

К 9(с)27
М 63
586904

А. Николаев

Пламенные
сердца

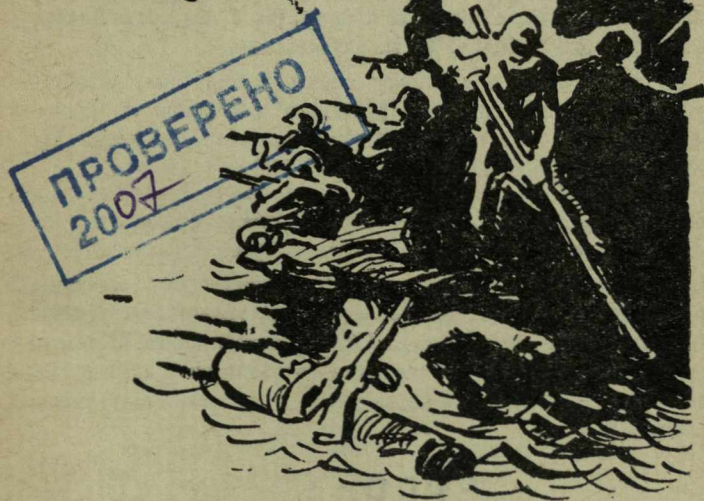

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

АНТИП НИКОЛАЕВ

К 9(0)24
H6B

ПЛАМЕННЫЕ СЕРДЦА

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1968

ОБ АВТОРЕ

Автор этой книги, член Союза журналистов СССР Антип Николаевич Николаев, родился в дер. Кумбалы Вурнарского района Чувашской АССР.

Его рассказы и стихи начали печататься в альманахе «Родная Волга» («Тăван Атăл») и в газете «Чувашская коммуна» («Чăваш коммуни») еще до Великой Отечественной войны.

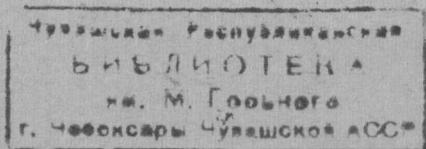
Послевоенные рассказы и очерки, зарисовки и записки из фронтового дневника Антипа Николаева вошли в коллективные сборники «На пути к подвигу» (Москва), «Это было на крайнем Севере» (Мурманск), «Незабываемые имена» (Архангельск), «Золотые звезды северян» (Архангельск), «О чем рассказывают звезды героев» (Барнаул), «Часовые северного неба» (Архангельск) и другие.

В 1966 году Чувашское книжное издательство выпустило его маленькую документальную повесть о храбром солдате-пулеметчике Герое Советского Союза Михаиле Родионове «Ни шагу назад!..», написанную в соавторстве с лектором Архангельского обкома КПСС Е. И. Овсянкиным.

За книги очерков «Подвиги героев бессмертны», «Юность тундры», а также за цикл рассказов и очерков о героях-фронтовиках в 1966 году А. Н. Николаеву присуждена литературная премия имени Аркадия Гайдара.

В книгу «Пламенные сердца» автор включил рассказы и очерки об отважных воинах-чуваших Иване Банбурине, Борисе Леонтьеве, Федоре Григорьеве, Илье Тарасове, Петре Налетове и других героях войны. В них нет ничего выдуманного. Все события и факты взяты из материалов Архива Министерства обороны Союза ССР. Поэтому книга «Пламенные сердца» читается с интересом и явится лучшим памятником тем, кто отдал свою жизнь за честь и независимость нашей Родины.

586904

БЕССМЕРТИЕ

НА ФРОНТЕ

Огненный вал войны быстро катился на Восток. Миллионы добровольцев-коммунистов и комсомольцев пополняли ряды Красной Армии. В первых числах июля 1941 года очередной эшелон с новобранцами ушел и из Алатыря. Вместе со своими земляками на фронт ехал комсомолец Александр Поташев. Было ему всего девятнадцать лет. Он стоял у открытой двери теплушки и внимательно смотрел вдаль. Товарищи пели песню:

Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня...

Перед молодым солдатом медленно скрывались знакомые очертания города. Набирая скорость, поезд уходил все дальше и дальше.

Стемнело. Многие воины уже давно спали. Только Саша лежал у окна и переворачивался с боку на бок. Ему не спалось. Одна за другой вставали картины прошлого.

Саше казалось, как будто он снова дома. Мать собрала на стол. Вернулся с работы отец, Михаил Никанорович. В комнату зашла жена, Тоня. Она с радостью сообщила, что Саша зачислен на курсы подготовки учителей. Но вдруг все переменялось. Принесли повестку. Все зарыдали. Только отец, обняв сына, тихо сказал: «Не печалься, Сашок. Время такое настало, все уходит на фронт».

Еще не увидев фронта, не услышав грома артиллерийской канонады, Саша писал в дневнике:

«16 июля. На привокзальной площади приняли военную присягу. Здесь я дал клятву — до последнего дыхания сражаться с проклятым врагом. Все хотят быстрее встретиться с фашистами. Нас сопровождает командир-танкист. Такой веселый!.. Чувствуется, что он грамотный и начитанный человек. Вася Прокшин играет на гармошке, а он поет, и как поет... Вот бы попасть служить к такому командиру. Я стараюсь подражать ему...»

Дальше запись неразборчива. А чуть ниже следуют слова:

«...полный, среднего роста. Глаза его узенькие, лицо широкое. Еще при первом знакомстве он сказал нам, что зовут его Андрਿਆном Павловым. Родом тоже из Чувашии...»

Аккуратно, ровным почерком Поташев вел свой дневник. Листки этого небольшого блокнота пожелтели, местами истрепались, отдельные странички вырваны.

«19. VII. Поздно вечером эшелон остановился у небольшого разъезда. Темно. Тишина. Недалеко виднеется разрушенное кирпичное здание. Говорят, дальше ехать нельзя: разбит путь. Мы вышли из вагонов и колоннами пошли по размокшей проселочной дороге. В лесу отдых. Красноармеец Гриша Никулин развернул полевую кухню. Меня назначили к нему помощником. В топке еле горит огонек. Все спят. Мне одному спать нельзя...»

Из записей дневника известно, что 20 июля Александр Поташев принял первое боевое крещение.

«...В 5 ч. 48 мин. нас обстрелял немецкий самолет. Убитых нет. В 7 ч. утра меня определили в подразделение

танкистов. Обещали отправить в военную школу. После короткого отдыха повели по лесной тропинке ближе к линии фронта, туда, где расположена часть. Шли без отдыха. На поляне над нами вновь появился вражеский самолет. Сбросил две бомбы. Тяжело ранен мой друг Вася Егоров. Чувствую, что линия фронта где-то совсем рядом...»

И дальше:

«Мужество — есть презрение страха. Оно пренебрегает опасностями, грозящими нам, вызывает их на бой и сокрушает. Русский педагог К. Д. Ушинский писал, что не тот мужествен, кто лезет на опасность, не чувствуя страха, а тот, кто может подавить самый сильный страх и думать об опасности, не подчиняясь страху...»

КУРСАНТ РЫБИНСКОГО ТАНКОВОГО

О дальнейшей судьбе А. М. Поташева я узнал из писем фронтового друга Ивана Филиппова. Он писал, что вместе с Сашей зачислен в Рыбинское танковое училище. Здесь Поташев оказался самым молодым. Некоторые курсанты даже шутили: «Пороха не нюхал, а хочет стать танкистом». Но Саша не обижался. Вероятно, он верил в свои силы и способности.

Однажды в училище была объявлена тревога. Стальные лавины быстро вышли из парка и направились по заданному маршруту. Они взбирались на возвышенности, спускались в долину, преодолевали заболоченные места, двигались по узким лесным дорогам. Когда от городка отъехали километров тридцать, поступила команда:

— Стой! Глуши моторы!

В машине стало непривычно тихо.

— Теперь бы и отдохнуть, — сказал башенный стрелок Геннадий Никитин.

Но отдохнуть танкистам не пришлось. Командир танка Иван Григорьев приказал Саше проверить машину, а остальным членам экипажа рыть окоп. Курсанты работали дружно. Глубокой ночью задание было выполнено. И снова последовала команда:

— Заводи моторы!..

Поташев снова сел за рычаги управления. На высокой скорости он вел машину по ограниченным проходам. Через некоторое время танкисты вместе с пехотой пошли в «атаку». Предстояло овладеть важной высотой. «Про-

тивник» не выдержал дружного натиска и стал отходить в глубь обороны.

Началось преследование. Нелегко вести танк по бездорожью, через лес, заболоченные участки. Чуть недоглядишь—и машина застрянет, произойдет поломка. Давала себя знать усталость. У Саши болели руки. Наконец прибыли на место.

— Ложись, отдохни немного, — посоветовал Поташеву командир танка.

Александр не стал отдыхать. Он знал, что через несколько часов начнется ночной марш. Вместе со всеми членами экипажа он участвовал в проверке машины, заправлял ее топливом, подтягивал гусеницы. А после — обед и снова в путь...

Подводя итоги этого учения, командир особо отметил выдержку и умение Поташева и перед строем личного состава училища объявил ему благодарность.

Вероятно, после этого и написал Саша своим родным небольшое письмецо, которое до сих пор бережно хранится в семье Поташевых.

«Здравствуйте, дорогие папа, мама, брат Герман, сестры Галя, Миля, Валя! Ваше письмо получил, за что большое спасибо. Я живу хорошо. Солдатскую службу понял. Понял и то, что службу служить — не с медом чай пить, приходится переносить всякие трудности и лишения. Но чем труднее, как мне кажется, тем интереснее жить.

Вчера политрук рассказал о подвиге летчика Гастелло. Я думаю, что на такие славные дела могут пойти только люди с твердым характером и сильным духом. А ведь каждый из нас должен стремиться быть волевым и храбрым.

За меня не беспокойтесь. Все будет хорошо. Ваш наказ — служить Родине честно — выполню с честью. Я ведь комсомолец! А молодежь всегда и везде должна быть примером. Замечаний по службе не имею. Вчера заслужил благодарность.

Каковы успехи артели в этом году? Чем и как вы помогаете фронту? Как живут или служат мои друзья по школе?

Где Тоня, почему молчит? Если она работает в районе, сообщите ей мой адрес.

Пишите. Ответ жду с нетерпением.

С приветом ваш С.»

...Быстро промелькнули напряженные дни боевой учебы. Подошло время экзаменов. Саша и здесь отличился: по всем предметам получил отличные оценки. На выпускном вечере, вручая ему удостоверение офицера, начальник училища сказал:

— Горжусь твоим мастерством. Но на фронте храбрости и смекалки еще недостаточно. Враг хитер. Будь внимательней.

— Благодарю, товарищ генерал,— четко ответил лейтенант Поташев и направился в строй.

ВМЕСТЕ БУДЕМ ВОЕВАТЬ

Недалеко от линии фронта, уже в боевой части, Поташев познакомился с командиром батальона майором Шалимовым. Когда они вышли из палатки, приспособленной под столовую, было уже совсем темно. По дороге шли молча. Под ногами хлюпала грязь. Холодный дождь наполнил воронки от разрывов бомб и снарядов мутной, рябой от воздушных пузырьков водой. Неожиданно небо прояснилось. В сырой прохладе вечера потрескивали короткие очереди пулеметов.

Комбат постоял немного, прислушался, потом шагнул по ступенькам вниз, распахнул дверь землянки и пригласил Поташева:

— Входите, товарищ лейтенант! Это и будет ваш дом.

Майор присмотрелся к тусклому свету коптилки, сделанной из снарядной гильзы, и приветливо произнес:

— Вечер добрый, Копенкин! Встречай квартиранта. Новый танкист, командир взвода...

Навстречу поднялся невысокий, плотный человек в комбинезоне.

— Пополнению, товарищ майор, мы всегда рады! Добро пожаловать. Вот уже третий день пустует топчан...— танкист не договорил, запнулся и замолчал.

Поташев положил свой вещевой мешок и в нерешительности опустил на табуретку. На свободном топчане лежали старые газеты и треугольники писем. На одном из конвертов отчетливо выделялось: «Андрияну Павлову. Лично». Чуть ниже: «Чувашская АССР, Вурнарский район, д. Кумбалы, С. М.». Саша догадался, что и эти письма, и фотография белокурой девушки, аккуратно вделанная в маленькую рамочку, висевшую у изголовья, и, наконец, потрескавшаяся, выдавшая виды гитара, стоявшая в

уголке, — все это вещи Андрияна Павлова, того командира, с которым он ехал на фронт.

Вот уже трое суток прошло, как тот ушел на боевое задание и не вернулся, а его вещи хранились в неприкосновенности так, как их оставил хозяин. По всему было видно, что танкисты все еще надеялись: хотя танк и подбит, может быть, их друг еще вернется...

Саше вдруг показалось, что он волей-неволей нарушил неписанный фронтовой закон. Он встал, взял в руки вещевой мешок и растерянно посмотрел на командира батальона.

А майор Шалимов сидел на корточках около печурки и щепал лучину. Состояние молодого офицера он понял без слов и его взгляд встретил теплой, дружеской улыбкой, но с ответом нашелся не сразу. Комбат подошел к Поташеву, присел на край топчана Павлова, и, ни к кому не обращаясь, произнес:

— На войне всякое случается. Пошел человек в бой и не вернулся. Трудно сжиться с мыслью, что его уже нет. Да... А какой был танкист!..

Майор ушел. Поташев разделся, лег, накрылся курткой, но уснуть не мог. Из головы не выходил разговор с командиром, перед глазами вставал такой близкий и знакомый человек. Ведь он тоже спал на этом же топчане... Раздумья Поташева прервал голос командира роты старшего лейтенанта Копенкина:

— Не спишь? Вместе теперь будем воевать. Жаль, что Андриюшу не застал. Веселый был парень. Бывало, возвращается с боевого задания, вылезет из машины, да как даст «гопачка», только ахнешь. Посмотришь — и усталости у него не заметишь. Стыдно станет, сам подтянешься. А тут как получилось...

Только за полночь Копенкин замолчал так же неожиданно, как и начал, а Поташев еще долго думал об Андрияне Павлове, о своих новых друзьях.

На следующий день Саша принял командование взводом. На одной из страниц его дневника мы читаем:

«Учебные будни позади. Я теперь командир танкового взвода. С подчиненными познакомился. Кажется, ребята прекрасные. Вот они, в защитных фуфайках, чуть взволнованные, у всех — пытливые глаза. Все, вроде, одинаковые.

Подхожу к правофланговому. Ростом он выше всех,

Глаза голубые, из-под шлема виднеется черный и волнистый чуб. Широкий лоб изрезан глубокими морщинами.

— Механик-водитель Давыдов, Сергей Еремеевич, — представился он.

Рядом с ним чуть ниже ростом молодой солдат. Он назвал себя Алексеевым Николаем Павловичем...

Может быть, через считанные часы или минуты я с ними пойду в бой. Как они поведут себя, готовы ли к такому суровому испытанию?

...Морозная, тихая ночь. Поражает необычная тишина. Нигде ни выстрела, ни звука. Немцы не ведут даже обычного беспокоящего огня. Может, поэтому Сергей Еремеевич с удивлением заметил:

— Чудесная ночка! Вот такая, наверное, сейчас и у нас в деревне».

ФРОНТОВЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ

Треугольные письма с фронта... Сотни тысяч людей ждали их с нетерпением. Сколько радости и горя приносили они нашим матерям, сестрам, родным... Много писем посылал домой и Александр. Некоторые из них сохранились у матери Саши Анисьи Антоновны. Вот они:

Письмо первое (Брату Герману)

Дорогой братик!

Твое письмо получил. Это ответное письмо тебе на память. Притом пишу крупно, чтобы все могли читать.

По почерку письма и содержанию вижу, что учишься ты хорошо. Но желаю тебе учиться только на «отлично». Если не сбавишь темпа в учебе, не поленишься, то кавалеристом, конечно, стать можешь. Танкистом также хорошо быть. Тогда ездить будешь не на коне, а в броневой машине. Стрелять будешь из пушки. Это интересней!

Ты пишешь, что Галя не слушается. Мне как-то не верится. Она ведь всегда помогала маме. Если, действительно, это правда, то ей следует исправиться. Мамочку всегда нужно слушать...

Нахожусь на старом месте. Живу хорошо. Отдыхаем в землянке. Там тепло, но спим не раздеваясь. В любую минуту дня и ночи готовы бить фашистов, а их громить у нас теперь есть чем. Питаемся хорошо. Думаю, что нем-

цев скоро разобьем. После войны жизнь улучшится, как никогда. Тогда и я, теперешний танкист, думаю вернуться в родной колхоз трактористом. Я ведь теперь отлично знаю трактор!

От тебя, Герман, и вообще от всех учеников требуется сейчас одно: учиться только на «хорошо» и «отлично». Об этом расскажи всем ученикам школы.

В свободное время читаю газеты и книги, жаль, что о наших земляках мало пишут. Вчера прочитал в своей солдатской газете стихи Джамбула. Особенно запомнились мне строки:

Разве смолкнет перед совой
Сокол горный и луговой?
Кто отважен и кто силен,
Тот не будет поработен!

Вот, кажется, и все. Да, еще чуть не забыл: табак по-прежнему не курю и тебе не советую.

С фронтовым приветом А. П.
12 декабря 1942 г.

Письмо второе (Адресовано труженикам колхоза)

Дорогие односельчане!

Наша Красная Армия наносит удар за ударом по немецко-фашистским войскам и гонит их на запад, освобождая советские села и города от гитлеровской мрази. Очень рады сообщить вам, что мы являемся непосредственными участниками разгрома немецких оккупантов. Мы даем вам слово, что будем бить гитлеровских людоедов до тех пор, пока не истребим до последнего немецкого разбойника, забравшегося на нашу советскую землю. Будем защищать честь и свободу Родины до последней капли крови.

Враг отступает. Но он еще не разбит. Чтобы ускорить победу над врагом, надо усилить помощь Красной Армии. Воины-танкисты нашей части призывают вас, дорогие земляки, всеми силами помочь защитникам Родины, досрочно выполнить все обязательства перед государством. Работайте только по-ударному!

Твердо верьте, что враг будет разбит, победа будет за нами.

По поручению комсомольцев

лейтенанты А. М. Поташев, И. Ф. Левкин.

17 декабря 1942 г.

Письмо третье

Мои дорогие, родненькие!

От всего сердца приветствую вас за то, что в нашем колхозе организовали сбор средств на постройку танковой колонны. Это ускорит час победы над проклятым врагом. А мы, танкисты, с честью повоюем на ваших боевых машинах. На постройку танковой колонны я также внес 700 рублей, отдал все, сколько было.

Теперь я нахожусь недалеко от дяди Паши (Павла Антоновича—брата Анисьи Антоновны.—А. Н.). С ним имею переписку. «Родная земля под ногами дрогнула. Воздух наполнился гулом выстрелов тысяч разнокалиберных орудий. Началась мощная артиллерийская подготовка...»—пишет он. Такая же мощная артподготовка ведется и у нас. Чувствуется, что по всему фронту началось контрнаступление. Ломаются и разрушаются вражеские опорные пункты, железобетонные укрепления. Час штурма врага настал. Нет никакого сомнения, что скоро блокада Ленинграда будет прорвана.

Передайте всем, что великие сражения начались, победа близка! Обо мне не беспокойтесь. Остаюсь бить и добивать врагов нашей любимой Родины.

Целую.

Ваш Александр.
5 января 1943 г.

* * *

День пятого января 1943 года отмечен и в записях дневника Саши.

«Поступил приказ о наступлении,— писал он.— Сего дня после мощной артиллерийской подготовки идем в бой. Никогда я так еще не волновался. Сердце учащенно забилось. Мысль не дает покоя: «Все ли готово к бою, не упустил ли чего, не будет ли лишней крови по твоей вине?»

Взвод на исходном положении. Сам лично проверил материальную часть и исправность оружия. Комроты и старшина последний раз перед боем прошли по экипажам. Наверное, их тоже беспокоит: все ли выдержат экзамен?

Нет, в моем взводе и в нашей части трусов не должно быть.

На рассвете 8 января на наши позиции обрушился шквал артиллерийского и минометного огня. Вражеская авиация наносила массированные бомбовые удары по переднему краю. Казалось, не останется ничего живого. Но мы остались целехонькие, в боевой готовности.

Вероятно, немцы предполагали, что русские оставили свои позиции. Они двинулись в атаку. Впереди танки. Их много. Чуть сзади, как муравьи, бегут автоматчики. Напряжение доходит до предела. Ждем сигнала к открытию огня. Фашистские танки совсем рядом. Красная ракета. Одновременно со всех танков и артиллерийских орудий открываем уничтожающий огонь. Мой наводчик Николай Алексеев молодец! С первого же выстрела подбил стальную лавину... Горят фашистские танки, охваченные черным дымом. Переносим огонь, но враг трусил, отошел на прежнюю позицию».

ПИСЬМА, ПРИСЛАННЫЕ К. В. ПРОКШИНОЙ

В мой адрес пришло объемистое письмо. Прислала его первая учительница Саши Поташева Ксения Васильевна Прокшина. В 1962 году она отпраздновала тридцатилетие своей педагогической деятельности. За эти годы она вывела в свет не одну тысячу учащихся.

«Я часто встречаюсь со своими бывшими учениками,— пишет Ксения Васильевна. — Долгое время со мной поддерживал переписку Шура Поташев (я всегда такого звала). От него у меня сохранилось одно последнее письмо и мое ответное письмо, которое вернулось с фронта, не застав в живых адресата.

Шура погиб, как герой. И мы, учителя, гордимся им, нашим славным учеником...

Хорошие ребята были у нас в школе: дружные, веселые, трудолюбивые, отзывчивые. Шура отличался от всех своей скромностью, смелостью, знанием. В семье он был первый помощник во всех делах. По-хозяйски смотрел и на колхоз. Там он трудился наравне со взрослыми, и когда вместе с учащимися работал на уборке урожая, то был моим главным помощником.

Тогда я жила у них на квартире и руководила группой детей, живущих в этом колхозе. Стоило мне только уйти на работу (а я уходила рано), Шура тоже спешил

в правление колхоза — место нашего сбора. На уборку ходили организованно. Ничто нас не пугало: ни дождь, ни слякоть, ни мороз. Уходили с поля только тогда, когда наступали густые сумерки. Так дружно работали, что с поля уходить не хотелось.

Если же в поле нельзя было работать, то ребята сами находили другие дела.

В это время в колхозе достраивался новый скотный двор. Колхозникам некогда было убирать мусор. Шура внес предложение: своими силами убрать строительный мусор. Работы было много, но ребята за три дня справились с ней.

Во всех делах ребята шли за Шурой. Он увлекал их своей деловитостью, высокой ответственностью за порученное дело.

Славный был парень, товарищ и друг.

С уважением к вам К. В.»

Позже К. В. Прокшина прислала мне и последнее фронтовое письмо Саши, которое она хранила более двадцати лет.

«Привет с фронта!

Здравствуйте, Ксения Васильевна, — писал А. М. Поташев. — От родных узнал, что вы снова работаете в нашей школе. Вам большое спасибо за воспитание и впредь желаю успешной работы на этом поприще. В училище я занимался намного лучше, чем в школе. Отдавал все свои силы и знания для того, чтобы хорошо овладеть теми знаниями, которые нам нужны для разгрома врага... Сейчас я — командир, воюю с немецкими бандитами на наших грозных первоклассных танках.

Ксения Васильевна, знайте, что недалек тот день, когда мы навсегда прогоним фашистов с нашей земли.

Как мне хочется встретиться с вами и хоть еще разок посидеть на вашем уроке. Теперь я стал человеком. Кто меня сделал таким? Вы, дорогая Ксения Васильевна, учителя! Расскажите же ученикам, пусть они больше обращают внимания на математику, физику, химию и иностранный язык. Конечно, нельзя запускать и другие предметы.

Пишите мне о вашей работе и жизни, какова успеваемость в школе, обо всех новостях, которые у вас есть. Не знаю, кто теперь еще работает в школе, но всем передайте от меня фронтовой привет.

С нетерпением жду ответа. Вы сами знаете, что на фронте дорого каждое письмо, каждая строчка.

Пока до свидания. Остаюсь жив и здоров, в полной уверенности разгромить врага.

Ваш ученик *Шура П.*»

РАЗВЕДКА С БОЕМ

Когда писалось это письмо, под городом Ленина развернулись невиданные доселе сражения. Советские войска со всех сторон наседали на позиции 18-й армии немцев. В один из дней Поташев получил боевой приказ: совместно с пехотой произвести разведку с боем в районе поселка Троицкое.

— Мы собрались тогда возле танка Поташева за получением приказа, — вспоминает о тех днях фронтовой друг Саша Иван Иванович Филиппов. — Лейтенант сказал нам: «Идем в разведку. С боем будем прощупывать подступы к немецкой укрепленной полосе. Я иду первым. Быть внимательней. В любой обстановке помогать друг другу».

— Есть! — ответили танкисты.

Вьюга начала стихать. Саша взглянул на часы.

— По машинам!.. Заводи!

Захлопнулись люки. Со скрежетом врезались стальные гусеницы в мерзлый снег. Позади остался столб снежной пыли... Враг не дремал. Он обрушил на танкистов артиллерийский огонь. Но наши машины уверенно шли навстречу огненному урагану.

— По башне моего танка ударило, — слышался голос Поташева.

— Снаряд! — крикнул заряжающий.

— Быстрее вперед, — скомандовал Александр.

Снова ударил снаряд. Сорван глушитель.

— Слева противотанковая пушка!..

Повернулась башня. Один снаряд — и орудие вместе с прислугой уничтожено. До опорного пункта оставалось не более ста метров. Враг притаился. Из-за огромного камня показалась пушка. Даже видно было, как фриц наклонился, чтобы взять снаряд. Но его опередили. Двумя снарядами Николай Алексеев — стрелок Поташева — полностью вывел из строя и это орудие.

Снова затрещали пулеметы. Начали рваться тяжелые снаряды. Снежное поле покрылось землей. Зияли

воронки. Медлить было нельзя. Машина Поташева первой пошла на надолбы. По днищу заскребло. Танк стал.

Гитлеровцы со всех сторон ползли к машине. В их руках блестели гранаты. Вот они уже рядом с танком Поташева.

— В этот миг по врагу я открыл ураганный пулеметный огонь, — рассказывает Филиппов. — Смотрю, в один миг Саша вывалился из люка и пополз под танк. Разгребая замерзший снег руками, осмотрел днище севшей на надолбу машины. Никакой опасности!

Он сказал своему механику-водителю Сергею Давыдову:

— Тихо назад!

Машина поползла, повернулась и снова вперед. Мощные надолбы повалились. Танк сделал проход. За Сашей следовал и я. Враг осыпал нас градом пуль, гранат, но бронированные машины теперь невозможно было остановить. Уничтожая огневые точки немцев, мы прорвались к дотам. Саша об их местонахождении немедленно доложил по радио командиру батальона.

Оказывается, тем временем наши пехотные подразделения вновь поднялись в атаку и с автоматами наперевес шли к опорному пункту врага. Немцы дважды бросались в контратаку, но каждый раз отступали с потерями.

Позже Поташев доложил командиру:

«Задача выполнена. Потерь нет».

Через два часа окрестности рабочего поселка, что недалеко от станции Дно Ленинградской области, полностью были очищены от врага.

«УМРЕМ, НО ВРАГУ НЕ СДАДИМСЯ!»

Вот уже четырнадцатый день танковый батальон майора Шалимова гнал отступающие немецкие части. Четырнадцать дней неимоверного напряжения, ожесточенных боев и схваток. За этот период танкисты вырвались далеко вперед, перерезав коммуникации противника.

Фашисты применяли все средства, чтобы только остановить, смять и раздавить танковый батальон или хотя бы на время задержать его движение вперед. На пути грозных машин возникали различные препятствия: минные поля, засады, надолбы...

Утром на четырнадцатый день после прорыва обороны

немцев батальон Шалимова остановился в районе поселка Троицкое. Комбат приказал привести в порядок машины, подтянуть тылы. Требовалось пополнение, отдых. Но лица танкистов были полны решимости продолжать наступление, сражаться с врагом за смерть своих боевых товарищей.

— Устали, товарищи? Отдохнуть хотите?

— Придет время, отдохнем, товарищ майор. Зверя надо бить, пока он раненый, — ответил лейтенант Поташев.

— Значит, будем драться?

— До полного разгрома фашистов, товарищ майор! — ответил за всех командир роты старший лейтенант Копенкин.

Майор Шалимов обошел строй личного состава батальона. Настроение воинов было бодрое.

— Героический город Ленина, товарищи, близко, — сказал комбат, обращаясь к танкистам. — Недалеко от нас Гайтолово, а оттуда и до Ленинграда рукой подать...

Майор с минуту молчал. Его большие глаза загорелись, и он снова продолжал:

— На нас смотрят ленинградцы, вся страна смотрит, весь народ. Мы всегда были первыми, останемся же первыми. Что скажете на это?

— Один ответ, товарищ майор: преследовать врага!

Тут же все командиры рот и взводов доложили о готовности техники к бою.

Началась артиллерийская подготовка. Подразделения и части заняли исходное положение. Снаряды рвались совсем близко, вздымая столбы земли и огня. Трещали и рушились строения.

Сзади что-то ухнуло один раз, второй... Это метрах в четырехстах от танков рвались вражеские снаряды. В воздухе слышался шум моторов. С каждым мгновением он становился все сильнее и сильнее — шли наши бомбардировщики. Наши батареи перенесли огонь в глубину обороны немцев. С командного пункта поступил сигнал: «Вперед!».

Лейтенант Поташев командовал взводу развернуться и принять боевой порядок. Вот наши танки вышли на открытую местность, чтобы поддержать своим огнем пехотные подразделения.

В экипаж Поташева входили бывалые фронтовики. Его механик-водитель Сергей Давыдов — пожилой, с

глубокими морщинами на лбу человек очень любил рассказывать о своих детях—а их у него было пятеро, — десятки раз участвовал в боях. Башенный стрелок Николай Алексеев прекрасно знал вооружение, метко поражал цели, обладал исключительной скромностью, выдержкой.

Они жили одной дружной семьей, как родные братья. Друг друга понимали с полуслова. Все мечтали быстрее разгромить ненавистного врага и приступить к восстановлению разрушенного войной хозяйства.

Теперь они снова на поле боя. Через узкую смотровую щель местность им казалась какими-то кусочками. Впереди темнел лес, и перед ним какие-то сараи. Там находилась долговременная огневая точка немцев. Это и была первая цель атаки взвода лейтенанта Поташева.

Боевые машины дошли до проволочного заграждения и легко преодолели его. Затем проехали поляну, заваленную камнями. Поташев проскочил и мост. И тут все перемешалось. Со всех сторон немцы открыли заградительный огонь. Машина Саши оказалась в засаде. Наши пехотные подразделения также вынуждены были залечь. Танкисты Поташева неприступной стеной стояли против озверевшего врага.

Впереди был Поташев. Его танк мчался по позиции врага. Уже за мостом, на подступах к доту, танк неожиданно вздрогнул и остановился. Но из машины никто не выходил. Танкисты решили до последних минут жизни героически сражаться с врагом.

Подробно об этом бое Анисье Антоновне написал фронтовой друг Саши И. И. Филиппов.

«Дорогая мамаша!— писал он.— Извините меня, что я так Вас называю. У меня ведь нет больше мамы. Ее угнали в немецкую неволю, и она умерла. Саша был моим самым близким другом. С первого дня прибытия в часть мы делились с ним всеми сокровенными мыслями, шутили, смеялись. Часто, как здесь бывает, ели кашу из одного котелка и одной ложкой. Ваши письма всегда читали вместе...

Вам, несомненно, хочется узнать, как же погиб Саша и где он похоронен. Вот как все случилось.

По условному сигналу с командного пункта наши танки двинулись в атаку. По радио слышно было, как Саша подбадривал членов экипажа.

— Дать, так уж дать фрицам, чтобы от них мокрое место осталось, — говорил он.

Машина Саши неслась на большой скорости. Стальной хобот пушки то поднимался вверх, то опускался к самой земле, как бы пронюхивая огневые точки врага. Теперь все зависело от зоркости и наблюдения. Немцы усилили огонь. Но несмотря на это, экипаж Поташева мастерски преодолел укрепленную полосу врага. Вот и речушка, через которую он должен был переправиться и преградить путь немецким войскам.

Я шел от Саши метров в двухстах сзади. И до сих пор не могу понять, как он проскочил мост, на ходу обстреливая врага. Но тут немцы открыли ураганный огонь и пошли в наступление. Машина Саши оказалась в окружении. Под натиском неприятельского огня и стали нам было приказано отойти к опушке леса. Эту же команду получил и Саша, но было уже поздно: немцы повредили его машину. Танк стоял поперек дороги и в упор продолжал расстреливать приближавшихся фашистских солдат.

Саша и члены его экипажа сражались во вражеском кольце мужественно, как герои.

Мы слышали по радио:

— Сережа, справа орудие!..

Гремел выстрел, и мощный взрыв клубом поднимался у небольшого лесного домика.

— Коля, береги патроны!.. — командовал Саша.

Немцы, конечно, могли бы сжечь танк, но, вероятно, хотели взять экипаж живым. Они кричали:

— Русс, сдавайся!..

— Прекратить огонь! — скомандовал Саша.

Немцы тоже прекратили огонь. Но теперь они шли к машине открыто, размахивая гранатами.

Танк снова разразился огнем...

Короткий зимний день сменился сумерками. Но бой экипажа с фашистами не прекращался и ночью. Утром мы увидели пылающую огнем машину.

— Умрем, но врагу не сдадимся! — услышали мы последние слова своих боевых товарищей...

Дорогая Анисья Антоновна! Так погиб ваш дорогой сын и наш любимый друг. Советские люди никогда не забудут их бесстрашного подвига. Их подвиг учит нас верности воинскому долгу, преданности Родине, партии,

учит нас отдавать все свои силы, а если потребуется, и жизнь великому делу коммунизма.

Вот и все, что я мог рассказать о подвиге Вашего сына.

До свидания. Ваш сын *Иван Филиппов*.
23 февраля 1943 г.»

* * *

Таким был комсомолец-танкист Александр Поташев, таким знали его друзья и товарищи. Как и Андриян Павлов, свою жизнь он отдал Родине. «Лейтенант Александр Михайлович Поташев достоин, чтобы имя его веками называли наши дети, у него учились храбрости и безграничной преданности своей Отчизне, своему народу»,— писали его друзья матери героя.

16 апреля 1943 года на имя Анисьи Антоновны пришла справка. «Настоящим удостоверяется,— говорилось в ней,— что командир танкового взвода лейтенант Поташев А. М. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награжден орденом Красного Знамени посмертно».

...Прошли годы. Зазеленела трава, заколосились хлеба на полях сражений. Зарубцевались солдатские раны. Но память о славном танкисте Александре Поташеве, молодом колхозном пареньке, всегда останется в наших сердцах. Имя его вошло в бессмертие.

ПАРЕНЕК ИЗ АЛДАРКИНО

Собрав нужные снасти и прихватив на всякий случай ружье, Федор Тимофеевич Афанасьев вышел на улицу в предрассветный час, когда над Волгой еще висело сумеречное небо. Серым покрывалом раскинулось оно над селом Малое Алдаркино и до самого Куйбышева.

Любовь к охоте и рыбной ловле с детских лет привил Федору отец. Еще мальчишкой он часто бродил с отцом по лесам, болотам и озерам, ходил на лыжах по заснеженному лесу за пушным зверем, выходил на лодчонке на рыбалку. Все это не пропало даром: вырос паренек мужественным и выносливым, стрелком стал метким.

Пригодились Федору охотничья закалка и сноровка, когда довелось ему нести армейскую службу. Он стал

лучшим снайпером части: маскировался умело, цель выжидал хладнокровно, на местности ориентировался хорошо. И не раз за все это хвалил его командир.

Как-то Федор Тимофеевич от командира полка гвардии полковника Иноземцева получил особое важное задание захватить «языка». На выполнение этого задания он отправился с молодым солдатом Дугановым. Всю ночь пробирались по лесу. До нитки вымокли, пока добрались до указанного места.

— Тут устроим засаду, — сказал Афанасьев, подходя к кудрявой ели. Ее густые разлапистые ветви широкими веерами спускались над землей, хорошо маскируя разведчиков. И позиция здесь была выгодная для наблюдения, а если потребуется, то и для обстрела. Место чуть-чуть возвышенное, а за ним — поляна и открытый участок дороги.

Больше суток просидели разведчики в засаде, но пока все безуспешно. Днем по дороге прошло несколько бронетранспортеров, потом две колонны автомашин. И снова стало тихо.

Клонило ко сну. Разведчики решили отдыхать по очереди. На рассвете, когда Дуганова сменил у пулемета Афанасьев, молодой солдат высказал свои сомнения в выполнении приказа.

— Напрасно, товарищ Дуганов, веру теряешь! — сказал ему Федор. — Засада дело такое: сиди тихонько, выжидай, как охотник на засидке. Наберись терпения, а когда оно кончится — дерни себя за нос и опять сиди.

Дуганов улыбнулся.

— Уже дернул, — сказал он.

— Вот и молодец! Теперь поспи чуток. И на наше счастье прилетит какая-нибудь птица...

И только успел сказать это Федор, как до его слуха донесся отдаленный шум мотора. Разведчики насторожились.

До этого вокруг было тихо. Словно в ожидании чего-то, в сторожкой тишине застыли стройные сосны и мохнатые ели. Слабый ветерок, поднявшийся среди ночи, к рассвету стих совсем, и теперь ни одна веточка не шевелилась. В этой напряженной тишине Афанасьев слышал удары своего сердца, частые и сильные.

Вот, наконец, на дороге показался немецкий мотоцикл с коляской. Он ехал не очень быстро, подпрыгивая на ухабах,

— Приготовиться! — шепнул Афанасьев Дуганову.

Когда мотоцикл приблизился метров на семьдесят, Афанасьев дал короткую очередь. Водитель замертво свалился на руль, раскинув в стороны руки. Мотоцикл пробежал еще несколько метров по дороге и свалился в кювет. Из коляски выкатился человек. Не успел он опомниться, как Афанасьев и Дуганов оказались около него.

— Хэнде хох! — скомандовал Федор.

Офицер поднялся с земли, косясь на черные стволы пулемета и винтовки. Поняв свое безвыходное положение, поднял руки.

— Обыскать! — приказал Афанасьев.

Дуганов обезоружил фрица, снял с плеча планшет с документами, проверил все его карманы, потом перехватил фашисту кисти рук веревкой, вынул из кармана заранее припасенный кляп и уже хотел было воткнуть его в рот немцу, как вдруг Афанасьев остановил его.

— Подожди! Может, господин офицер сам пожелает открыть рот? — Афанасьев открыл рот и показал офицеру, чтобы тот сделал то же самое. Фриц послушно открыл рот. Это у Федора вызвало улыбку. — Вот видишь, какой туз попался: деликатное обращение любит!

Через несколько минут Афанасьев и Дуганов, убрав с дороги мотоцикл и труп водителя, двинулись в обратный путь.

Гитлеровец оказался офицером связи и дал нашему командованию ценные сведения о расположении фашистских войск на этом участке фронта и ближайших планах немецкого командования.

Афанасьев и после этого много раз отличался в боях в составе 6-й гвардейской Армии, которой командовал Герой Советского Союза гвардии генерал-полковник Чистяков.

Федора очень хорошо знал командир 201 гвардейского полка гвардии полковник Иноземцев. Как-то раз, когда Афанасьев обучал прибывшее пополнение приемам боя в лесу, командир сказал своему замполиту:

— Толковый офицер из Афанасьева получится! Как по-твоему?

— Конечно. Только подучиться надо.

— И я так думаю.

Вскоре после этого разговора Федора Афанасьева послали на офицерские курсы. Успешно окончив их и по-

лучив звание лейтенанта, Федор вновь вернулся в свой родной полк и стал командовать взводом.

В одном из неравных боев командир роты был тяжело ранен. Тогда лейтенант Афанасьев принял командование ротой на себя. Взвесив свои возможности, он повел воинов в наступление и одержал победу.

Позже командир полка докладывал в штаб 67 гвардейской стрелковой дивизии:

«22 июня 1944 года командир роты гвардии лейтенант Афанасьев Ф. Т. в бою в районе Радьково — Орехи при прорыве обороны противника, невзирая на сильный пулеметный и минометный обстрел, пренебрегая смертельной опасностью для жизни, подняв свою роту, первым ринулся в атаку. Стремительно ворвавшись в оборону противника, сильным ударом автоматного огня и гранатами выбил противника из траншей. Враг был отброшен и из глубины обороны. Со своей ротой Афанасьев дал полку возможность овладеть важными опорными пунктами».

Через два дня рота расположилась в небольшой сосновой роще. Здесь она получила небольшой отдых и стала готовиться к новым боям.

Тогда, по сведениям нашей разведки, на левом берегу Западной Двины не осталось ни одного немца — все рощи и плавни были пусты, а на правом шла лихорадочная подготовка обороны: сооружались линии траншей, окопы, дзоты, минные поля, лесные завалы на дорогах, протягивались тысячи метров колючей проволоки.

Вместе с солдатом Васильченко Афанасьев направился к прибрежным кустам ивняка, чтобы лучше изучить местность, сличить с нею карту. Раздвинув пожелтевшие кусты, он увидел Западную Двину, и лицо его стало задумчивым, озабоченным. Васильченко заметил это, но ни о чем не спросил командира.

Перед ним, обгоняя друг друга, медленно бежали серо-зеленые волны, пенились у берега, перекатывая песчинки, шлифуя мелкие камешки. Река неумолчно разговаривала с берегом, и, может быть, этот равномерный шум напомнил Афанасьеву родной край, могучую и привольную матушку Волгу, где прошли его детство и юность.

Всматриваясь в противоположный берег, лейтенант спросил:

— Как думаешь, преодолеем?

— Обязательно!— с уверенностью ответил Васильченко.

Командир роты хорошо знал настроение своих подчиненных, но, чтобы еще раз проверить себя, спросил:

— А солдаты что говорят? Как Западную Двину брать будем?

— Да что они говорят! Даешь Берлин — и никакая гайка!.. Сами вы, товарищ лейтенант, знаете, какой народ в роте: все одной мыслью живут — вперед. А впереди — Западная Двина. Во какая махина перед нами открылась! Многие в роте и не думали, что она такая. Я и сам в здешних местах никогда раньше не бывал...

Маскируясь за кустами и камышом, Федор шел тяжелым и размеренным шагом. «Думает о чем-то», — заключил Васильченко, неотступно следуя за командиром.

И он не ошибся. Много воспоминаний воскресила у Афанасьева эта полноводная река. Здесь, на этих привольных берегах, нес срочную службу его отец. И вот теперь в этих же местах родную землю защищал от врага он, сын ветерана революции, Федор Афанасьев.

Пройдя метров сто правее, Афанасьев и Васильченко заняли новую позицию для наблюдения. Здесь кусты были ниже, и им пришлось опуститься на колени. На редком кустарнике зеленели листья, трава поднималась выше колен.

Васильченко, расположившись рядом с командиром роты, продолжил прерванный разговор:

— Солдаты говорят, с ходу брать реку надо. Тогда и крови нашей, говорят, меньше прольется...

— Верно говорят!

— А вдруг, товарищ лейтенант, прикажут нам отсиживаться тут, на левом берегу, до самой зимы? Зимовать, а? Может быть такое?

— Думаю, что этого не случится. Наступать нам надо! Наступать, не теряя ни одного дня!

Карие глаза солдата засветились, улыбка пробежала по лицу.

А над Западной Двиной стояла зловещая тишина: на правом берегу притаился враг, на левом — шло накопление сил, передовые подразделения подходили к реке, занимая районы, намеченные командованием для форсирования реки.

Прислушиваясь к оживленному разговору своих подчиненных, Афанасьев сказал:

— Не журавли, а орлы полетят теперь над Западной Двиной, перемахнут через нее! С такими орлами, как у нас в роте, любую реку перелететь можно. Так?

— Конечно, товарищ лейтенант! Рота у нас боевая, ребята — орлы настоящие!

Этот разговор с солдатом невольно вспомнился Федору Афанасьеву поздним вечером, когда он построил роту. Перед ним стояли запыленные, усталые, но бодрые духом люди, с неугасимым огнем в сердцах, готовые идти на любые подвиги и жертвы во имя победы.

Солдаты выслушали командира в суровом молчании. Он приказал им рубить деревья, вязать плоты, использовать любые подручные материалы для подготовки к форсированию реки. И сразу же закипела работа. Неизвестно откуда было добыто несколько пустых бочек. Трофейные автомобильные камеры также пошли в ход. Солдаты разыскали в плавнях две лодки, сколотили и связали несколько плотов.

В полночь все было готово. Над Западной Двиной тянулась вереница тяжелых, хмурых облаков. Они медленно плыли друг за другом. Иногда в просветах между ними выглядывала луна, холодным светом отражаясь в реке. В эту ночь она была союзницей врага, и десантники не зря опасались ее предательской улыбки.

Рота отчалила от берега, когда луна была закрыта большим темно-серым облаком. Но потом облако сползло в сторону, и она все-таки выглянула из-за его зубчатой кромки. Десант, достигший середины реки, был обнаружен противником.

Враг открыл огонь. Вокруг лодок и плотов рвались мины. Злобно свистели над рекой вражеские пули. Но ничто не могло остановить советских воинов. Они упорно гребли самодельными веслами, кусками досок, малыми саперными лопатами и просто ладонями.

Все ближе и ближе правый берег. Огонь противника нарастал. Пулеметная очередь строчкой прошла борт лодки. Она быстро стала тонуть, наполняясь водой. Оставшиеся в живых выпрыгнули из лодки, надеясь добраться до берега вплавь. Но как только они очутились за бортом, каждый почувствовал, что удержаться на поверхности, имея на себе скатку, каску и сапоги, невозможно. Руки цепко сжимали оружие. Солдаты барахтались в воде, сбрасывали все лишнее. Десантники, нахо-

дившиеся на плотях вблизи тонущих, немедленно пришли к ним на помощь.

Вблизи берега по сигналу командира пулеметчики открыли огонь с плотов. Наша артиллерия с левого берега оказала хорошую огневую поддержку, точно накрыв траншеи врага.

— Вперед, за Родину! — громко крикнул Афанасьев и в числе первых спрыгнул в воду, чтобы скорее выбраться на берег.

Под прикрытием артиллерийского огня десант высадился. Но как только наши пушкири перенесли огонь в глубину немецкой обороны, враг тотчас же контратаковал десантников. Рота, потерявшая при переправе часть воинов, была вынуждена вступить в бой с превосходящими силами противника.

В траншеях врага завязалась жестокая рукопашная схватка. В этом тяжелом бою солдаты выручали друг друга из беды, зорко оберегая своих командиров, и если требовала обстановка, грудью защищали их.

Афанасьев личным примером храбрости воодушевлял своих подчиненных. Огнем автомата и гранатами он уничтожал фашистов, непрерывно руководя боем. Васильченко все время находился рядом с ним.

Но случилось так, что Васильченко оказался в затруднительном положении: рослый гитлеровец набросился на него, подмял под себя. Гибель его была неминуема. Афанасьев вовремя пришел ему на помощь. Сильным ударом приклада лейтенант свалил гитлеровца. В тот же миг на советского офицера сзади набросился другой фашист. Васильченко заметил, как его кинжальный штык зловеще сверкнул в ночи, отразив лунный свет. Еще секунда, и он вонзился бы в спину командира.

В одно мгновение солдат, сделав большой прыжок, оказался между гитлеровцем и командиром. Ловко подставив автомат под удар врага, Васильченко отвел острие штыка в сторону, дал подножку фашисту, свалил его наземь.

Рота стойко и мужественно оборонялась на плацдарме на правом берегу Западной Двины и не сдала врагу захваченных позиций. Как только была отбита эта яростная контратака, командир приказал занять круговую оборону, окопаться, стоять до подхода подкрепления.

Несколько атак отбила в этот день рота гвардии лей-

тенанта Федора Афанасьева. Но в одной из последующих рукопашных схваток он был смертельно ранен.

Командир полка, представляя Федора Афанасьева к правительственной награде, писал в рапорте: «...Афанасьев до конца отдал свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Он достоин звания Героя Советского Союза».

За эту операцию, в которой участвовал и славный сын чувашского народа, восемнадцати солдатам, сержантам и офицерам 201 гвардейского стрелкового полка было присвоено высокое звание Героя.

Об этом рассказал мне фронтовой друг Героя Советского Союза Федора Тимофеевича Афанасьева гвардии младший лейтенант запаса Леонид Ефимович Фокин, проживающий ныне в городе Архангельске.

ИВАН БАНБУРИН

Если вам где-либо удастся найти подшивку газеты «Правда» за военные годы, то в одном из номеров вы прочтете информацию следующего содержания:

«Героический подвиг воина-чуваша. Западный фронт. 9 ноября 1942 года. Спец. корр. ТАСС.

Ефрейтор-связист Иван Банбурин во время боя устраивал разрывы телефонной линии. Весь день находился на передовых позициях. Вечером после усиленной артиллерийской и минометной подготовки немцы предприняли наступление. Связист оказался лицом к лицу с большой группой гитлеровцев. Банбурин не отступил. Он залег в укрытии и открыл огонь по наступающему противнику.

Фашисты со всех сторон окружили бойца, пытаясь взять его в плен. Но ефрейтор метким огнем поражал приближающихся гитлеровцев.

В этом неравном бою Банбурин убил двадцать немецких солдат. Вскоре у него вышли все патроны. Немецкий офицер во весь рост направился к телефонисту и, угрожая ему пистолетом, потребовал: «Русс, сдавайся!». Банбурин выскочил из укрытия и заколол офицера штыком...».

А вот как это было во всех подробностях.

Готовясь к очередной атаке, вражеская артиллерия открыла по нашим окопам ураганный огонь. Снаряды разрывались повсюду, с воем поднимая в воздух сырую каменистую землю. Солдаты сидели в глубоких окопах и ждали появления впереди себя гитлеровцев. Пока их не было видно. Но артиллерийско-минометный огонь усиливался.

В такой критический момент из строя вышла линия связи. Ефрейтор Банбурин тут же доложил командиру: — Товарищ майор, нет связи. Вероятно, порыв...

Порыв... Нужно срочно срastить линию. А кто должен идти на задание? На командном пункте из связистов один Банбурин. Он и должен идти. И ефрейтор, не задумываясь, пополз по переднему краю обороны в сторону наших артиллерийских батарей.

Солдат спешил. Но где же кабель? Ага, вот где он, этот тоненький черный провод, лежит почти рядом на земле. Банбурин знает, куда тянется эта линия. Он сам прокладывал ее вчера ночью.

Вот и кустарник. Но разрывы снарядов и мин и здесь заставляют прижиматься к засохшей земле. Позади остался пройденный путь — метров сто, а то и сто пятьдесят. Но где же порыв? Иван поднял голову, посмотрел вперед, туда, где терялся в кустах провод, и едва прижался к земле, как рядом разорвалась мина. Ивана контузило, жгучая боль разлилась по спине.

Банбурин чувствует, что больше ему не сдвинуться с места — иссякли силы. Зачем он остановился? Зачем остановился?... Надо было продолжать движение. Порыв, может быть, уже недалеко... Но куда же опять девался тоненький кабель? Что за черная змея извивается среди кустов? Толстая, черная, очень длинная змея скалит красную пасть. «Товарищ майор! Товарищ майор... Порыв на линии...» Чудно! Порыв на линии — нет, только

змея, да и она уползла в серую мглу. Надо только теперь перевалить через бруствер, а там все выяснится... А что это там грохочет? Кто-то из всех сил грохочет кулаками в дверь. «Я оденусь... Вот сейчас открою... Вот только воды напьюсь». Банбурина кажется, что он черпает из ведра воду и пьет. Пьет долго и никак не может напиться. Вода стекает на подбородок, на грудь, на живот и обжигает, словно кипяток. Нестерпимо жжет она и в животе, так что дыхание захватывает.

Что это? Опять кабель? А где же вода? Надо же напиться!..

Шершавым языком Банбурина облизывает сухие, потрескавшиеся губы, хочет глотнуть, а в горле все пересохло. Где же ведро с водой?.. Ах, вон оно что: он бредил.

Придя в себя, Иван снова пополз вперед. Но как же добраться до этого проклятого порыва? Ведь он где-то здесь, недалеко. Надо только собраться с силами. Вот так, правой рукой уцепиться за куст, а левой оттолкнуться от земли...

Вот и хорошо. Кустарник кончился. Но что же это? Провод еще цел, значит, порыв где-то дальше.

Еще несколько метров осталось позади. Под коленями теперь шуршала мягкая трава. Запахло сыростью. Ага, вот и вода. Ничего, что она мутная и пахнет гнилью. Уткнувшись лицом в лужицу, Иван судорожно глотал и глотал, захлебываясь. На зубах поскрипывал песок, но он пил и пил, пока, наконец, не утолил жажду. Затем, упершись локтями, попробовал было встать. Однако сил по-прежнему не было.

Рядом оказалась неглубокая воронка. Потеряв равновесие, Иван упал на бок и скатился в нее. катушка с запасным кабелем и аппарат затормозили падение, и он остался лежать на спине. После долгих и мучительных попыток ему все же удалось сесть. То, что он увидел, вернуло его к действительности, напомнило о цели его бесконечных страданий. В долине шел бой. То в одном, то в другом месте завязывались рукопашные схватки, рвались снаряды. Но теперь уже немцы шарахались от разрывов, а их цепи расползлись, разорвались на отдельные звенья.

Банбурина стал припоминать события дня. Перед глазами встал образ командира батальона, напряженно вздрагивающие скулы на его лице, упрямо сжатые тонкие губы, горячий взгляд черных глаз.

Любил и уважал Иван майора Карелина. Он готов был, не задумываясь, пойти за ним в огонь и воду. И неудивительно, что он сам, не ожидая дополнительного распоряжения, пошел в ад крошечный, лишь бы устранить быстрее порыв на линии и выручить из беды товарищей.

Когда Банбурин перевалился через бруствер окопа, противник еще продолжал вести огонь по глубине обороны. Снаряды рвались на юго-восточном и восточном скатах высоты и далее в долине. Раздумывать было некогда, и Иван направился вдоль телефонной линии. Кабель обжигал ладони. Земля под ногами дрожала от частых разрывов. Приходилось то и дело укрываться в воронках.

Первый обрыв обнаружился у подножия высоты. Концы кабеля взрывной волной разбросало далеко в стороны. Пока Банбурин искал их и сращивал, артиллерийский обстрел прекратился. Зато в районе дороги усилилась автоматная стрельба. Иван увидел, как из-за холма показались вражеские цепи. Передовые подразделения стали окружать наблюдательный пункт командира батареи. А связь с батареей, как назло, оставалась нарушенной; где-то впереди был еще один порыв.

Ефрейтор Банбурин ужаснулся. Что теперь будет с командиром и горсточкой бойцов на наблюдательном пункте, если он не успеет восстановить связь. И он что есть силы побежал вдоль телефонной линии.

Впереди был кустарник. В нем можно было скрыться от немцев. Но он опоздал. У небольшого домика ему преградили путь несколько фрицев. Пришлось вступить в неравную схватку. Теперь на него шли автоматчики. Банбурин не растерялся. Он повел меткий огонь по приближающимся гитлеровцам. Они, словно подкошенные, падали недалеко от воронки. Счет убитых с каждым выстрелом увеличивался: один... три... семь... десять... Наступление остановилось. Воспользовавшись этим, Банбурин стремительно бросился к каменному забору. В этот миг фрицы вновь поднялись и пошли в атаку... Иван заложил в патронник последний патрон. Выстрел — и снова одного гитлеровца не стало. Почувствовав прекращение огня, к стойкому советскому солдату во весь рост двинулся немецкий офицер. Размахивая пистолетом, он кричал: «Русс, сдавайся!» Но ефрейтор Банбурин подождал фрица в углу забора и, когда до него осталось все-

го несколько шагов, бросился на него со штыком. Офицер со страшным криком повалился на землю. Увидя это, оставшиеся в живых фашистские солдаты отступили на прежнюю позицию.

В этом коротком бою Иван Банбурин уничтожил двадцать немецких солдат и сам был ранен. Однако он не ушел с поля боя, хотя истекал кровью: некому было помочь ему выбраться отсюда. Помутневшие глаза его блуждали по долине, где еще шел бой. И вдруг он увидел то, что он с такой исступленной настойчивостью искал. Вот он, порыв! Вот он, совсем недалеко, почти под рукой!..

Банбурин попытался встать и невольно вскрикнул от режущей боли. Рука инстинктивно схватилась за болезненное место.

Так, значит, серьезно ранен... Значит, помирать? Здесь, на этом склоне сопки? Вот где она пришла, смерть? А, возможно, еще спасут? Может быть, погромче крикнуть, позвать кого-нибудь? Но никого же вблизи нет своих, никого!.. Однако надо как-нибудь дотянуться до кабеля и устранить порыв. Надо сообщить командиру. Тогда спасут. Командир в беде не оставит. Но как отсюда выбраться? Как?..

Банбурин плакал. Он лежал на спине и плакал от своего бессилия. Прозрачные горячие капельки одна за другой скатывались на виски, на щеки. А вверху, в синем небе, спокойно и торжественно, словно белые лебеди, плыли пушистые облака.

Страшно умирать одному в чистом поле! Но неужели так и сдаться, без борьбы сдаться? Надо еще раз попробовать. Надо напрячь все силы, чтобы восстановить связь. Надо любой ценой доползти до обрыва...

Банбурин закусил губы. Из прокушенного места потекла теплая, солоноватая кровь; закрывшиеся веки выдавили последние слезинки. Руки потянулись к обрывкам кабеля. Но что-то мешает. Иван снова опустился на землю и понял, что мешала катушка, зацепилась за что-то. Сбросить ее? Нет, нельзя. Она будет нужна. Вот только отцепить ее. Вот так. Теперь еще поднажать... Наконец-то! Ефрейтор Банбурин приподнял голову, с удивлением посмотрел на разобщенные концы кабеля, на небольшой, с зазубренными краями осколок, который лежал здесь же, на месте порыва. Зубами он зачистил

онцы, дрожащими руками присоединил к ним свой телефон.

— Сокол! Сокол! Я — Ястреб, я — Ястреб...

Больше он уже ничего не мог вымолвить. Побелевшие убы что-то невнятно шептали, а в самое ухо кричал и кричал чей-то далекий, тревожный и радостный голос:

— Ястреб! Ястреб! Где ты, Ястреб?

«Надо же концы срastить...» — словно во сне подумал Банбурин. Кое-как непослушными пальцами он соединил концы кабеля. Но провод вырывался, не было сил скрутить его. Смутно вспомнились кем-то сказанные слова: «Человек — проводник тока». Ага, проводник... значит... Ну и ладно, пусть будет проводник...

Провод очутился во рту, что-то кислое защипало язык. Зубы сжали зачищенные концы. Голова беспомощно упала на траву. Впереди, за сопкой, прозвучал залп: «Наша!.. Наша батарея!..» — подумал Иван и снова впал в забытье. Перед глазами поплыла, заколыхалась серая мгла. И не было уже больше белых лебедей, не было синего неба, не было нестерпимой боли.

Только теплые губы все еще продолжали беззвучно шептать:

— Товарищ майор... Товарищ майор...

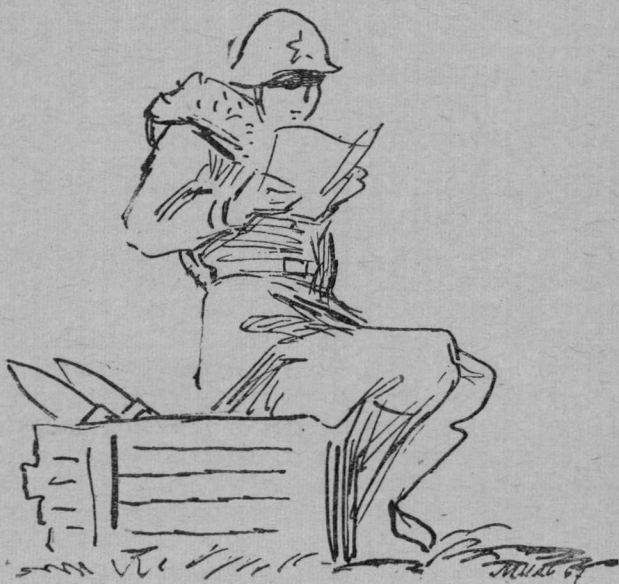
* * *

Все это произошло на виду у наблюдателя командного пункта полка. Он-то и рассказал потом корреспонденту газеты «Правда» о геройстве солдата.

Прошло несколько дней, и ефрейтор Иван Банбурин после лечения в госпитале вновь вернулся в свою часть. С такой же отвагой, храбростью и мужеством он сражался во всех последующих боях.

ИСТОКИ МУЖЕСТВА

Проходят годы, но эту историю мне никогда не забыть... На зенитную батарею, расположенную недалеко от прифронтового городка, принесли письма. Солдаты и сержанты тесным кольцом окружили почтальона. Лишь один заряжающий Виктор Никулин безучастно оставался лежать возле своего орудия. Сменившись с наряда, он отдыхал, курил.

Писем в этот день оказалось особенно много. С цветными конвертами в руках, воины один за другим отходили от почтальона в сторону и жадно читали исписанные листки. Глядя на товарищей, Виктор нервничал. Внешне он был спокоен, но внутри его все клокотало. Сильно затянувшись махоркой, Виктор отвернулся. В эту секунду, то ли от дыма, то ли еще от чего, на его глазах навернулись слезы.

Однако на этот раз было письмо и Никулину. Командир батареи, зная о том, что лучший его заряжающий не получает писем от родных и знакомых, был немало удивлен.

— Рядовой Никулин! — крикнул он. — Вам письмо!

Не веря своим ушам, Никулин, словно мяч, подпрыгнул с земли. Конечно, командир не мог шутить. Это хорошо понимал Виктор. Значит, ему действительно написали. Но кто?

Боевые друзья, услышав о письме Никулину, бросились за ним. Отовсюду неслись нетерпеливые возгласы:

— Виктор, кто пишет? От кого? Живы ли родители?..

Волнуясь, Виктор разорвал конверт. На землю выпала открытка. На ее лицевой стороне был изображен пейзаж вечера на Волге. Кровь прилила к лицу Виктора. Перед глазами промелькнули картины прошлого... Летний солнечный день... Катание на лодке с любимой девушкой... Нежное прикосновение ее рук. А завтра — война. Вокзал, перрон, прощание с Катюшей. Она тогда дала слово поехать к его родным. И с тех пор не получал известий ни от нее, ни от своих родных. Фашистские войска оккупировали его родной город.

«Открытка с волжским пейзажем. Кто ее мог прислать? Конечно, Катюша. Милая, родная, бесценная! Вот и ее письмо.» Развернув вчетверо сложенный листок, Виктор прочел первые строки, написанные чужим почерком. В глазах его зарябило. Прыгающие буквы составили строки: «Дорогой Виктор Гаврилович! Вам пишет незнакомая девушка...»

— Нет, не она, не Катя, — словно стон, вырвалось из груди Никулина.

В эту минуту удар в колокол нарушил всеобщее молчание. Это был сигнал тревоги. Воины бросились по своим местам. К небу поднялись стволы мощных зенитных орудий.

Отдаленный гул фашистских самолетов, похожий на скрежет ржавого железа, становился все сильнее и сильнее. Поблескивая на солнце длинными крыльями, прошли навстречу врагу советские истребители.

— Вот они! Вот они, справа! — закричал кто-то над ухом Виктора. Подняв голову, он увидел девятку «юнкерсов». За ней вторую, третью... Они шли плотным строем. В их движении было столько уверенности в своей

силе, что, казалось, невозможно остановить эту лавину. А выше нее уже вели бой наши истребители с узкотелыми хищными «мессершмиттами».

— Огонь! — прозвучала команда. Ударили зенитные орудия. Сплошная стена разрывов встала на пути гитлеровцев. Наткнувшись на нее, загорелись два хищника, и, обволакиваясь густым черным дымом, неуклюже пошли к земле. Остальные бомбардировщики беспорядочно заметались по небу.

Несколько «юнкерсов» прорвались к городу. Один из них заметил зенитную батарею и спикировал на нее.

— В укрытие, ложись! — скомандовал командир батареи. Но никто из членов расчета не ушел от орудий. Бомбы взорвались рядом. Горячей волной воздуха, земли и пыли Виктора отбросило в сторону. «Неужели конец?» — мелькнуло в сознании. Тошнота подступила к горлу. Пересиливая боль, растекающуюся по всему телу, Виктор вскочил на ноги и бросился к орудию. Около него был только наводчик Виктор Попов. Остальные члены расчета вышли из строя.

Новой взрывной волной с головы Виктора сорвало пилотку. Русые волосы растрепались. По щеке узкой полоской струилась кровь. Его немигающий сузившийся глаз видел в эту минуту только одно: фашистский самолет, прорвавшийся к нашему городу. Охваченный жаждой боя, Виктор работал за троих. Он подносил снаряды, заряжал и помогал наводчику. И орудие не умолкало. Жадно вдыхая сухим ртом воздух, Виктор рвал на себя рычаг, и пушка, вздрагивая от ярости, стреляла, стреляла...

И со стороны казалось, что двое зенитчиков стали неотделимой частью орудия. Огонь и сердце, сталь и кровь превратились в одно — выстрел. Это стреляли литейщик Магнитки и шахтер Донбасса, хлебороб Чувашии и лесоруб Архангельска. Это стрелял по врагу весь советский народ.

— Готов! Готов! Гляди, Виктор, падает! — крикнул наводчик.

Никулин не расслышал слов, но увидел, как объятый пламенем валится на землю сбитый ими «юнкерс».

А когда стихла канонада, Виктор Гаврилович вытер пыльным рукавом с лица пот и кровь и тяжело опустился на землю. Голова кружилась. А где-то внутри била, как пульс назойливая мысль: «От кого же письмо?» Виктор развернул листок и прочел:

«Дорогой Виктор Гаврилович! Вам пишет незнакомая девушка. Не волнуйтесь. Я выполняю просьбу моей подруги Кати. Она лежит сейчас в госпитале и пока сама писать не может. Мы случайно узнали ваш адрес. По просьбе Кати посылаю открытку, как память о прошлых днях. А теперь пишу со слов подруги...»

Письмо было большим, теплым. Оказалось, что Катя эвакуировала родителей Виктора, а сама ушла на фронт. А потом... потом шли слова любви, надежды, веры в будущее, вдохновляющие бойца на великие подвиги.

— Не вернулся Леонтьев?

— Нет.

— Погиб, значит...

— Не верится. Не может быть...

Такой разговор происходил по несколько раз на день между командиром роты лейтенантом Сивцовым и командиром взвода старшим сержантом Пичугиным. И заканчивался он обычно тем, что Сивцов уходил к себе в блиндаж встревоженный и злой, а Пичугин оставался на своем прежнем месте, в глубоком окопе, и продолжал наблюдение за передним краем обороны противника.

Сегодня уже третья ночь. Когда совсем стемнело, командир роты опять пришел к Пичугину в окоп.

— Не явится до утра — будем считать погибшим, — сказал он.

— У меня, товарищ лейтенант,— вздохнув, сказал Пичугин,— почему-то такое предчувствие, что Леонтьев обязательно вернется. Умереть он не может... Он ведь неуловимый, у него талисман какой-то есть. Может, Боря важное дело нашел, поэтому так задержался...

— Не ко времени шутишь,— сердито проговорил Сивцов.— Какой там еще талисман? Взбрело в голову и твердишь, как старушонка молитву...

Пичугин еле заметно улыбнулся.

— Я и сам не ведаю, не знаю, какой у него талисман. И выдумал его не я. Это все он, Леонтьев. Он ведь такой — скажет иногда что-нибудь непонятное вперемешку с чувашским, что-то загадочное, и ломай тогда мозги, как хочешь.

— А что он говорил тебе, когда уходил?

— Перед уходом я предупредил его, чтобы был осторожнее, ухо держал остро, в капканы не лазил. Он посмотрел на меня, усмехнулся и сказал: «Я вроде бессмертного Кашея теперь. Пуля не возьмет меня. Так что не беспокойтесь — вернусь целехоньким, невредимым». Я удивился, спросил: «Почему Кашей?» Он вздохнул, сдвинул брови и ответил: «У меня есть одна вещь, которая оберегает меня, как броня, от смерти. До конца войны будет оберегать, пока всех фашистов не перебьем. Вещь эта вроде талисманом служит мне». Я попросил его показать этот талисман. Он молча покачал головой и сказал, что когда вернется, может быть, и покажет.

Прошло еще два дня и две ночи. Леонтьев не появлялся. Уже все, за исключением Пичугина, смирились с тем, что рота потеряла своего лучшего следопыта.

— Жаль... До слез жаль Леонтьева,— говорили солдаты.— Какой разведчик был!

Жизнь в роте шла своим чередом. На пятую ночь Сивцов послал в разведку группу смельчаков во главе с ефрейтором Борисовым, а сам забрался в блиндаж и, развернув карту на маленьком походном столике, что-то отмечал на ней синим карандашом.

В полночь послышался стук в дверь и знакомый голос Пичугина:

— Разрешите войти?

— Заходи,— ответил Сивцов, не отрывая глаз от карты.

Первым зашел в блиндаж Пичугин, за ним еще один разведчик. При тусклом свете коптилки командир роты

не сразу разглядел второго человека, стоявшего за Пичугиным.

— Кто это с тобой пришел?

— Не узнаете, товарищ лейтенант?— изобразил удивление на своем лице Пичугин и отошел вправо, к столику, чтобы этот второй человек предстал перед глазами Сивцова.

— Леонтьев?!— воскликнул командир роты и, вытянув вперед руки, обнял разведчика.

Они сели рядом на топчане.

— А мы уже простились с тобой,— торопливо набивая трубку, сказал Сивцов.— И письмо я уже было заготовил твоей матери в Кумбалы. Только не сумел уточнить район. Знал, что из Чувашии...

— Вурнарского района я. Но это ни к чему. Поспешили вы, товарищ лейтенант,— обиженно заговорил Борис Леонтьев.— Ну, ладно, что же вам рассказывать? Дело, знаете, обыкновенное... Да, — спохватился он,— сначала зот получите штабные документы, карты.— Леонтьев снял с плеча немецкую сумку, до отказа набитую ценными бумагами, и передал ее командиру роты.— Из-за нее опоздал, будь она проклята...

И Леонтьев рассказал, как все было.

...Поздней ночью Пичугин провел его на левый фланг роты, где не было ни дорог, ни тропинок, а одно лишь болото, заросшее мелким кустарником, и на прощанье сказал ему:

— Ну, желаю тебе, Боря, успеха. Завтра вечером жду здесь.

— Спасибо. Жди.

Взяв на изготовку автомат, Леонтьев направился через болото к вражескому переднему краю. Пробирался от одного куста к другому тихо, осторожно, а когда впереди вспыхивали ослепительным светом ракеты, останавливался под кустом или камнем падал на снег. Потухала ракета — он снова продолжал свой путь. Ночь стояла темная, и Леонтьев даже сам не заметил, когда он пересек линию вражеской обороны. Только после того, как услышал сзади себя, немного правее, короткую очередь немецкого пулемета, он понял, что находится уже в расположении врага.

— Удачное начало,— мысленно отметил Боря.

Но едва он успел об этом подумать, как в нескольких шагах от него кто-то закашлял. Леонтьев лег и, притаив-

шись к земле, взял на изготовку автомат. Через несколько минут послышались шаги. Боря напряженно сверлил глазами ночную тьму, чтобы обнаружить приближающегося фрица и свернуть в сторону. Стычка ему была ни к чему. Как только он заметил силуэт человека, который шел ему наперерез, спокойно пропустил его, а потом встал и во весь рост зашагал уверенными шагами, как будто ходил он не в тылу врага, а в своем полку. Леонтьев надеялся на белый халат, на трофейный немецкий автомат и на десятка два немецких фраз, которые он заучил хорошо.

— Для первых минут при неожиданной встрече этого достаточно,— думал он.— А если провал — автомат выручит.

Перед рассветом Боря напал на линию связи. Кабель и четыре красных провода вели к высоте, расположенной недалеко от опушки леса. Было ясно, что где-то там штаб гитлеровского подразделения.

— Интересная работа вам предстоит, товарищ Леонтьев,— сказал сам себе разведчик.— «Знакомство» со штабом. Нелегкая эта штука: смертью пахнет, однако рискнуть придется.

Боря ускорил шаг. Пока еще совсем не рассвело, надо было добраться до леса и недалеко отсюда найти себе безопасное место для наблюдения, а вечером можно будет приступить к практическим действиям.

Спустя некоторое время разведчик находился уже в густом лесу. Удалившись от просек и дорожек, он отыскал заброшенный окоп, наломал веток и свил себе в нем гнездо. С утра и до вечера не вылезал оттуда, вел круговое наблюдение. Когда начало темнеть, Леонтьев вылез и очень осторожно, чтобы не выдать себя шорохом, пополз в сторону опушки, к возвышенности, где размещался штаб противника. Перед рассветом пришлось ползти обратно — ничего не вышло: всю ночь непрерывно ходили из блиндажа в блиндаж офицеры, связные, а рядом со штабом солдаты что-то сгружали с повозок.

— Ну вот и пришлось мне загорать на морозе в лесу,— как ни в чем не бывало продолжал рассказывать Леонтьев.— Но нет, думаю, не уйду отсюда, пока не добьюсь того, что задумал. Жду, значит, я момента удобного, слежу спокойно за штабом. На выдержку взял себя. И только вчера, в ночь под воскресенье, дождался... Фрицы запьянствовали, ну, а я зевка не дал. Когда они

вышли из блиндажа повеселиться, я, как кошка, вскочил туда, гляжу — в углу висят три сумки. Я взял их и тихонько вышел, промелькнул во весь рост мимо часового. Вот я и принес одну из трех — нужную. Должно быть, начальнику штаба принадлежала... А расположение батарей, товарищ лейтенант, покажу на карте.

Сивцов на радостях достал фляжку с водкой, поровну разлил в кружки. Выпив и закусив, все трое стали рассматривать принесенные разведчиком штабные документы.

— К ордену представляю завтра же, — произнес командир роты и взглянул на Пичугина. — Выходит, ты был прав?

— Да, предчувствовал я, что он вернется. Боря ведь всегда оставался неуловимым, — ответил Пичугин.

— Погоди, ты еще о каком-то талисмане говорил. Верно это?

— Пусть сам Леонтьев ответит.

При слове «талисман» лицо Бори мгновенно нахмурилось, помрачнело. Не торопясь, он молча вынул из кармана гимнастерки небольшую фотокарточку и подал ее Сивцову.

— Вот он, мой талисман. Вы уже видели его...

Сивцов посмотрел на фотокарточку, затем вслух прочитал на обороте надпись: «Когда тебе станет тяжело или страшно в бою, вспомни свою старушку-мать».

А Н Ю Т А

День был жаркий. По тропе вдоль стоянки самолетов спешил молодой солдат в синем комбинезоне. Добежав до одной из машин, он скрылся под плоскостью и, отыскав под ней спящего на траве человека, стал трясти его за плечо.

— Встаньте, товарищ гвардии лейтенант! Батя требует...

При слове «батя» спящий открыл глаза и торопливо вскочил, точно тот, кого называли «батей», стоял тут, возле него, и ожидал.

За столом сидел молодой офицер. Это был сам «батя» — командир 94 гвардейского штурмового авиационного полка гвардии майор Николаев. В руках он

держал засургученный пакет с надорванным краем. Строгий взгляд командира был устремлен на девушку, стоявшую перед ним.

Девушка была в вылинявшей до белизны гимнастерке, в стоптанных старых сапогах, тоненькая, щуплая.

— Куда же я тебя определю? — глядя в бумаги, проговорил майор.

— Летать хочу, — тихо ответила девушка и опустила глаза.

Майор недоверчиво покосился, но, увидев входящего в землянку летчика гвардии лейтенанта Тухланова, улыбнулся и сказал:

— Входи, дорогой, входи да знакомься: стрелка тебе прислали из тыла. Все, глядишь, охрана будет.

Взглянув на девушку и поняв, в чем дело, летчик покраснел, сделал шаг вперед, хотел что-то возразить, но тут майор встал, давая понять, что дальше пойдет уже серьезный разговор.

— Александр Григорьевич, ознакомьте стрелка с машиной и проверьте знание пулемета. Завтра с утра идете в разведку. — Немного помолчав, добавил: — Все!

«Только девчонки не хватало», — ворчал про себя Тухланов, быстро шагая по дорожке к своему самолету.

Самолет находился в капони́ре. Гвардии лейтенант остановился и сказал:

— Вот она, наша машина...

Девушка легко поднялась на плоскость самолета, а потом во вторую кабину. Глаза ее перебегали с прибора на прибор, руки проворно поворачивали пулемет.

...Не успело еще взойти солнце и стелющийся туман окутывал опушку леса, а к стоянкам уже потянулись поодиночке и группами механики и мотористы. Веки тяжело опускались, и хотелось лечь на росистую траву и снова заснуть.

На стоянку спешила и невысокая, худенькая девушка в синем комбинезоне.

— Это, ребята, стрелок Саши, — многозначительно произнес один из оружейников.

...Монотонно гудел мотор, и самолет, покачиваясь, стремился к линии фронта, разрезая крыльями кромки облаков. Вот и река.

— Внимание! — услышала Аня (так звали девушку) голос летчика,

— Есть внимание, — ответила она и еще зорче стала наблюдать за воздухом.

Вдруг слева стали возникать одна за другой шапки дымков. «Зенитки», — молнией пронеслось в голове.

— Разрывы слева, — передала Анюта летчику.

— Вижу, — спокойно ответил Тухланов.

Внизу показалась дорога — цель разведки. Колонны автомашин двигались к линии фронта. А по сторонам шли вражеские танки. Их было много.

Через некоторое время гвардии лейтенант услышал голос Анюты:

— Четыре «мессера» заходят слева.

Тухланов оглянулся и действительно увидел, что со стороны солнца к ним приближаются фашистские стервятники.

— Не подпускать! — крикнул стрелку и пошел на бреющем.

Замелькали кусты, дома, деревья, дороги. Все пестрело и мелькало. Выполнив задание, Александр Григорьевич повел машину в сторону своего аэродрома.

Анюта пристально смотрела на приближающиеся точки. И когда один из вражеских истребителей попробовал зайти в хвост советского штурмовика, навстречу ему застучал пулемет, и огоньки трасс поплыли на хищника.

Как только самолет, переваливаясь с крыла на крыло, подрулил к стоянке, авиаторы окружили его. Тухланов заглушил мотор и вылез из кабины.

Гвардии лейтенант обвел всех взглядом, посмотрел на вылетающую из кабины девушку, ничего не сказал, только улыбнулся.

С этого дня Анюта влилась в дружную боевую семью. Когда она по утрам шла к своему самолету, все приветливо смотрели на нее. Ее любили, как сестру, суровой фронтовой любовью. И не раз в дождливый день, когда сквозь крыши землянки на спящих текли струйки дождевой воды, заботливые руки укрывали ее своими шинелями и плащ-палатками.

Воздушные бои происходили почти каждый день. Авиаторы возвращались с полетов усталые. Хотелось лечь и лежать, никого ни о чем не спрашивая и никому ни на что не отвечая.

Иногда, когда ветер выл за стенами землянки, а дождь хлестал в окно, кто-нибудь, сидя в углу на дере-

вянных нарах, под звуки старенькой гитары, хрипловатым голосом запевал:

Повяжи мне, сестричка, повязку,
Кроме раны еще и на грудь,
Чтобы сердце, забывшее ласку,
Успокоилось как-нибудь...

Шепот стихал. Словно прислушиваясь, все молчали, но затем к одному голосу присоединялся второй, третий... И вот песня ширилась и просилась на простор. Нежные и простые слова слетали с обветренных уст авиаторов:

Мне тебе признаваться неловко,
Ведь в суровое время живем,
Что твоя мне приснилась головка
На плече неуютном моем...

В такие минуты Аня обычно садилась близко к окну и, зашивая кому-нибудь гимнастерку, задумчиво слушала. А бойцам казалось, что та сестра, о которой поется в песне, сидит вот тут же рядом с ними, на этих же нарах.

Дни шли. Однажды, в серый туманный день, экипаж Героя Советского Союза Александра Тухланова поднялся на разведку переправ. Как и всегда, пересекли линию фронта. Те же белые шапки зенитных разрывов. В страхе мечутся фашисты на переправе, а сбившиеся повозки лезут одна на другую. С воем и свистом посыпались вниз бомбы.

Но что это? Впереди самолета промелькнули два серых силуэта. Тухланов почувствовал, как холодный пот выступил у него на висках. «Что, если заметили и пойдут в атаку? Ведь лечу один, без ведомого и без прикрытия», — задумался он. И, как бы в подтверждение своих мыслей, услышал голос Аняты:

— Вижу «фоккеров». Набирают высоту, сейчас будут в хвост заходить...

Гвардии лейтенант не помнил, что было дальше. Помнил только, как глухо застрочил пулемет, как огненные трассы полетели навстречу врагу. В этот миг он заметил, как метеором ринулся на землю горящий фашистский самолет.

Вдруг летчик почувствовал какой-то толчок, и машина, не слушаясь управления, пошла на снижение. Запахло горячим,

— Анята! Анята! Ну, как там у тебя? — говорил Тухланов в микрофон.

— Все хорошо, — слышался слабый голос стрелка.

Машина, как раненая птица, припадая на крыло, пошла на посадку и, как только остановилась посреди летного поля, Саша бросился ко второй кабине. Девушка была тяжело ранена, но руки ее крепко держали пулемет.

Возвратившись из госпиталя, Анна Михайлова еще долго летала в экипаже нашего земляка Героя Советского Союза Александра Григорьевича Тухланова.

— В нашем полку прибыло — глядите и радуйтесь! — смеялся один из солдат, указывая кивком головы на паренька, одетого в новую, немного мешковатую солдатскую шинель. — Любопытно знать, как будут чувствовать себя фрицы, увидев такого героя?

Бывалые воины, у которых вся одежда пропахла пороховым дымом и сырой окопной землей, добродушно улыбались, глядя на новичка, сидевшего под деревом в ожидании командира.

Паренек молчал, делая вид, будто он не слышит того, что говорили вокруг, а если и слышит, то не принимал во внимание.

Пришел командир пулеметного взвода Ермаков. Он подошел к пареньку и сухо спросил:

— Из какого оружия стрелять умеешь?

— Из станкового пулемета системы «максим»,— бойко ответил паренек.

— А зовут тебя как?

— Федор Григорьев.

— Что ж, Федя, пойдешь связным,— сказал командир.— Другого дела для тебя пока у нас не найдется.

Григорьев нахмурился и решительно заявил:

— Нет, пулеметчиком хочу быть. Для этого я и прибыл к вам...

— Ну, хорошо, посмотрим,— согласился командир взвода, уступая желанию новичка.

Федя принял пулемет, а вечером выдвинулся на передний край и занял огневую позицию.

Два дня и две ночи прошли спокойно. На третью ночь фашисты зашевелились. После сильного артиллерийского обстрела нашего переднего края поднялись в атаку. Для Феди эта ночь была, как выразился Ермаков, «крещением в огоньке». В первые минуты, когда неожиданно начали рваться мины, снаряды, а впереди затрещали автоматные очереди, юноша присел на дно окопа и инстинктивно сжался.

— Ежели так воевать, то фрицы, пожалуй, всем нам пересчитают ребра,— услышал он чей-то голос.

Федя торопливо схватился за рукоятку пулемета. По голосу он определил, что к нему ползет командир взвода младший лейтенант Ермаков.

«Думает, что я струсил»,— мелькнуло в голове Григорьева, и от этой мысли его бросило в жар. Он, не целясь, выпустил в ночную тьму длинную очередь.

— А стреляешь ты совсем не туда, куда надо,— сказал Ермаков, приблизившись вплотную к окопу пулеметчика.— Там ведь открытое поле, а фашисты не такие дураки, чтобы двигаться по нему. Стрелять, дорогой мой, надо в этом направлении.— Ермаков указал рукой в сторону небольшой ложбинки, заросшей кустарниками.— Видишь, там вспышки автоматного огня?

После слов командира взвода Федя почувствовал себя как-то увереннее и смелее. Он повернул пулемет

градусов на двадцать влево и взял под обстрел ложбинку.

Младший лейтенант ушел. Бой стал нарастать. Фашисты лезли напролом, не считаясь с потерями. А у Федя, как назло, в этот момент отказал пулемет. Пока устранил задержку, гитлеровцы подошли совсем близко.

Но вот пулемет снова заговорил. Теперь Федя отчетливо видел перед собой черные силуэты вражеских солдат. Может, поэтому им внезапно овладели два противоречивых чувства: страх перед надвигавшейся смертью и стремление перебить всех фашистов, которые нахально шли по его душу.

— Куда? Вот вам! Нател! — несвязно выкрикивал Григорьев, всей силой пальцев нажимая на гашетку, как будто от этого зависела огневая мощь пулемета.

В тот момент, когда Федя выпускал уже четвертую ленту, рота поднялась из окопов и цепью пошла в атаку. Гитлеровцы были отброшены.

Утром младший лейтенант Ермаков сказал Григорьеву:

— Хотя ты и маловат ростом, однако гвардеец из тебя выйдет замечательный.

После первого боя, в котором Федя сумел побороть свой страх, товарищи еще продолжали шутить над ним, называя его «мужичок с ноготок». И лишь спустя две недели все вынуждены были признать Григорьева настоящим солдатом. Произошло это после одной из самых жестоких схваток у переправы.

Григорьев оборонял переправу со своим «максимом». На молодого солдата наседали около взвода гитлеровских автоматчиков. С трех сторон обошли они отважного советского солдата. Огненная подкова сжималась вокруг переправы. Григорьев разрезал эту подкову на части меткими очередями, быстро переносил огонь пулемета туда, где наиболее свирепо лезли враги. Группа автоматчиков уже дошла до переправы и поползла по ней на противоположный берег. Справа и слева немцы огнем минометов прикрывали продвижение группы автоматчиков. Неожиданно Федя замолк. Автоматчики поднялись во весь рост и гурьбой добежали до середины переправы. Здесь и резанул по ним Григорьев длинной очередью. Группы автоматчиков не стало — ее словно языком слизнуло.

До подхода подкрепления Григорьев уничтожил несколько десятков фашистов. Появился у переправы командир роты и спросил:

— Кто вел огонь из пулемета?

— Григорьев, парнишка наш,— ответили солдаты.

А Федя в это время лежал у пулемета и рукавом шинели вытирал вспотевший лоб. Командир подошел к храбрецу и, схватив в объятия, расцеловал его на глазах у всех.

ЧЕТЫРЕ ГЕРОИЧЕСКИХ ДНЯ

— **З**дравствуй, Днепр! Доброго здоровья тебе, могучая матушка-река!.. Сколько сказаний слышал, сколько душевных песен я пел о тебе, но не знал, что ты такая ласковая, нежная и богатая. Вот я пришел к тебе на подмогу, чтобы избавить от заклятого врага, — шептал старшина Николай Романов, стянув с головы запыленную пилотку и медленно опускаясь на колени. Он поправил за спиной автомат и потрескавшимися губами жадно припал к холодной воде. Невольно вспомнилась родная сторона — Башкирия, река Белая...

Где-то неистово трещали пулеметы, слышались глухие взрывы бомб и снарядов. А здесь, на участке взвода старшины Романова, стояла настороженная тишина.

Только одни днепровские волны знали тайны наступающей ночи. Может, потому они и радовались, ласкали низкий, изрытый осколками берег, лизали колени Николая и нехотя откатывались назад. Прибрежный вербняк выпрямлялся, роняя бисеринки капель.

Николай встал, посмотрел на запад, туда, где лохматые клочья дыма заволокли горизонт.

— Товарищ старшина, вас к командиру роты, — тихо сообщил незаметно появившийся из-за кустов посыльный.

Во взводе Романов собрал командиров отделений и сообщил, что они выделены в состав штурмовой группы.

— Сегодня ночью начнется штурм Днепра. Нам приказано первым форсировать Днепр и на его правом берегу создать плацдарм. Это даст возможность быстрее преодолеть водную преграду и другим подразделениям, и частям. Переправу предполагается организовать на подручных средствах.

— А где их взять? — вырвалось у кого-то. — Ведь немцы все угнали на правый берег...

— Разве вы забыли форсирование других рек? — обратился к подчиненным Романов. — Тогда вас удержать было невозможно! Не будем зря терять времени. Проверьте оружие, дополучите боеприпасы...

С наступлением темноты местные жители доставили к реке лодки, бревна, доски и бочки. Солдаты спешно готовили плоты. Взвод Романова с минуты на минуту ждал условного сигнала.

На такое ответственное задание проводить воинов пришел командир полка майор Козлов. Вынул из кармана гимнастерки небольшой листочек. Это было Обращение Военного Совета фронта.

«Славные бойцы, сержанты и офицеры! Перед вами родной Днепр, — говорилось в нем. — Вы слышите плеск его седых волн. Там, на его западном берегу, древний Киев — столица Украины. Вы пришли сюда, на берег Днепра, через жаркие бои, под грохотом орудий, сквозь пороховой дым. Вы прошли с боями сотни километров... Тяжел и славен был ваш путь...

Окиньте взглядом берег, что стоит перед вами. Там Киев, украинская земля, там дети и жены, отцы и матери, братья и сестры. Они ждут нас, зовут вперед... Наступил решающий час борьбы. Сегодня мы должны преодолеть Днепр...»

Командир полка закончил чтение. Солдаты еще раз поклялись Родине любой ценой форсировать эту полноводную реку, овладеть плацдармом южнее местечка Лоева и закрепиться там до подхода основных сил соединения.

Ночью резко изменилась погода. Темные тучи заволокли небо. Ветер сердито рвал черные гривы волн, гнул деревья. Днепр клокотал... Надвигались дни трудных испытаний, дни подвигов и героизма.

* *
* *

15 октября 1943 года. Стрелки часов показывали 23.00. По телефонным проводам побежало короткое, четкое слово команды: «Вперед!» Солдаты осторожно, словно охотники на охоте, вышли к песчаному берегу. Их ждал старик-лодочник с мальчиком лет тринадцати. Он хорошо знал здешние места и прибыл сюда по поручению командира партизанского отряда.

— Может, мальчика пока оставим на этом берегу? — подавая руку старику, спросил старшина.

— Нет, сынок! Здесь всякое может случиться. А он у меня — единственный...

Дед посадил у руля парнишку, и первые семь человек, вооруженные автоматами и станковым пулеметом, вошли в лодку. Перегруженная лодка медленно отвалила от берега.

Встречные волны отбрасывали лодку назад, и солдаты дощечками, малыми саперными лопатами помогали гребцам. Временами казалось, что лодка не движется с места. Но войны упорно боролись с волнами.

— Ну, ребятки, теперь потише, — сказал дед и взял у Романова весла. — Скоро берег. Вначале будет небольшая возвышенность, покрытая кустарником. Дальше — поляна, а за ней — село Лоево. Там — немцы...

Внезапно метрах в трехстах рванулась в небо желтая ракета. Стало светло, как днем. К счастью, лодка была уже в камышах. Гитлеровские дозорные молчали. Значит, не заметили.

Быстро разгрузив лодку, взвод занял круговую оборону. Романов выслал разведку. А дед с внуком отправились обратно, за новой группой солдат.

...Только с рассветом немцы обнаружили переправляющихся советских солдат и устремились к Днепру. Их

орудия и минометы открыли беспорядочный огонь по реке. Прочесывая местность, на участок обороны взвода старшины Романова шло более роты гитлеровских автоматчиков.

— Без команды не стрелять,— распорядился Романов и сам лег за станковый пулемет.

Фрицы шли плотной цепью, в полный рост. Их пули все чаще поклевывали песчаный бруствер траншеи и окопов. Когда фашисты оказались на поляне, Романов скомандовал:

— О-о-гонь!

Секунда — и огненные трассы потянулись к вражеской цепи. Меткие очереди косили фашистов. Оставшиеся в живых обратились в бегство.

Через некоторое время всю мощь минометного огня немцы перенесли в район позиции Романова. Он был таким сильным, что выкорчевывал на участке все кустарники.

Фашисты вновь поднялись в атаку. Теперь они шли под прикрытием танка. Гранатометчики, окопавшиеся на правом фланге, дали по ним несколько выстрелов. Заговорили автоматы. Когда напряжение боя, казалось, достигло предела, гитлеровский танк загорелся и остановился перед самым окопом. Враг и на этот раз, не достигнув своей цели, отступил.

...Ради жизни на земле, для достижения мира в мире старшина Николай Кириллович Романов — командир стрелкового взвода 1 батальона 188 Аргунского стрелкового полка 106-й Забайкальской стрелковой дивизии сделал все от него зависящее для разгрома врага в его собственной берлоге.

Родина высоко оценила героический подвиг славного сына чувашского народа. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 30 октября 1943 года Н. К. Романову присвоено звание Героя Советского Союза.

ГВАРДИИ РЯДОВЫЕ

Морозная январская ночь. Тишина. А снег блестит от лунного света, точно серебро, рассыпанное по земле чьей-то щедрой рукой. И если бы впереди, где окопался немец, время от времени не вспыхивали то здесь, то там ракеты, можно было бы на мгновение подумать, что все вокруг спит спокойным сном: и мелкие кустарники, до половины занесенные снегом, и холмы, возвышающиеся над равниной, и небо, густо усеянное звездами, и люди, уставшие от дневного ратного труда.

Но тишина эта была условной. В ушах каждого еще стоял гул вчерашней канонады и, может быть, не одному солдату, прикорнувшему у холодной стенки своего окопа

или землянки, являлись в полудремоте видения только что отгремевшей битвы. Возможно, гвардии рядовой Анатолий Кураков, похрапывая сейчас на снопе ржаной соломы в отбитом у врага блиндаже, продолжал и в кратком солдатском сне орудовать своим штыком. А наводчик полкового орудия гвардии ефрейтор Каркин, наверное, ставил новый прицел, чтобы «рвануть» по огрызающемуся дзоту и кричал пехотинцам: «Жмите, ребята! Крепче! Крепче!..».

Думая об этом, пулеметчик гвардии младший сержант Петр Налетов словно и не замечал, что рядом с ним сидит его второй номер гвардии рядовой Леонид Нечипорук, который украдкой, чтобы не обнаружить своего гнезда, уже выкуривал пятую трубку. Укутавшись плащпалаткой, он, любивший обычно потолковать о том о сем, теперь почему-то все время молчал. Этого за ним раньше не замечалось. Вдруг Налетов повернулся к нему и сказал:

— Дремать, Артемьевич, не положено. Здесь передовая, батенька, а не твой Бородецкий завод. Ключь носом, а немец — тут как тут. Тогда что?

Нечипорук пошевелинулся и, вздохнув, ответил:

— Вы за собой следите, обо мне не беспокойтесь. Я десять ночей могу выдержать не спавши.— И, спрятав в карман трубку, добавил:— Ежели надо.

— В таком случае, почему молчишь, словно в рот воды набрал?

— Обижен я, Петя,— признался Леонид Артемьевич.— За годы службы никто меня так не обижал, как этот сукин сын.

— Кто?— с любопытством и участливым тоном спросил Налетов.

— А этот, как его? Забываю фамилию. Твой-то земляк, чуваш. Анатолий Кураков.

— Толя Кураков?

— Да, да. Он.

— Ну, чем же он тебя огорчил, Артемьевич?

Нечипорук, прикрывая рогожей валенки, продолжал:

— Вечером, когда ужинали в деревне, подошел он ко мне и просит ложку. Я ему и говорю: какой ты, мол, солдат, ежели у тебя ложки нет. Не дам, говорю, займей собственную. А про себя думаю: вот поем и дам, пусть только подождет маленько. А он подошел ко мне еще ближе, хлопнул меня по плечу и говорит: «Эх, Леонид

Артемьевич, предрассудок ты, а не воин Красной Армии. В тебе, говорит, индивидуальный мужик крепко сидит. Ты элемент старой жизни». Накинулся он на меня, ругает так и сяк обидными словами. Тут откуда ни возьмись — Левченко. Парторгом который. Кураков бах ему: «Вот, говорит, товарищ парторг, полюбуйте на нашего Нечипорука — его надо воспитывать да воспитывать, он предрассудок закоренелый и стоит не на правильной партийной точке». Как Кураков сказал это — у меня и ложка из рук выпала. А он, шельма, ухмыльнулся и пошел себе, посвистывая, как ни в чем не бывало.

— Да, этого можно было ожидать от Куракова, — сочувственно сказал Налетов, когда Нечипорук изложил свою обиду.

Они оба помолчали немного, потом Налетов снова заговорил:

— А знаешь, Леонид Артемьевич, что я тебе посоветую. Возьми да вступи в партию, в кандидаты. Вот тогда ты утрешь нос Куракову. Я тебе первый дам рекомендацию без разговора. И любой другой даст с удовольствием. Спроси только. Да, да. Подумай над этим, Артемьевич. Докажи ему, что ты есть не предрассудок и что на партийной точке можешь стоять прочнее Куракова. Человек ты, безусловно, наш, преданный, воюешь лучше молодых, две медали имеешь, так почему в самом деле тебе не быть в партии, а?

— Куда мне, Петя. Кто меня примет? — махнул рукой Леонид Артемьевич. — Спросят, почему ты, товарищ Нечипорук, только теперь вздумал стать партийным? Что я отвечу? Нет, сложное это дело, Петя.

Нечипорук замолк, вынул трубку и хотел было закурить. Но закурить ему не пришлось. Налетов, смотревший в эту минуту куда-то вдаль, где изредка вспыхивали ракеты, взялся за рукоятки «максима» и вполголоса промолвил:

— К пулемету, Леонид Артемьевич. Коробки с лентами давай.

Швырнув в сторону плащпалатку, Нечипорук подсунил коробки с лентами поближе к пулемету и лег рядом с Налетовым.

— Разведка, должно быть, — предположил он, заметив группу гитлеровцев, пробиравшихся без единого выстрела к нашему переднему краю. — Ишь, окаянные, лезут. Знать, мало дали им вчера по зубам...

Это действительно была вражеская разведгруппа. Погода как бы играла немцам на руку: небо заволокло густыми облаками, а затем окутало мглой.

— Хитрые, сволочи,— выругался Налетов,— место выбрали, где ни дороги, ни тропинки. Ну, ничего — кустарники и лощина все равно не спасут.

С большой дистанции Налетов резанул длинной очередью. Фрицы рассыпались по снегу. Некоторые отползли в кусты и открыли ответный огонь из автоматов, а часть стала обходить пулемет с правой стороны. Налетов бил то по засевающим в кустах, то по обходящим. Но огонь гитлеровцев усиливался. Через некоторое время в воздухе завывали вражеские мины. Потом заработала и артиллерия.

Было ясно, что это разведка с боем.

В ночной схватке 3 апреля 1944 года погиб героической смертью гвардии младший сержант Налетов Петр Михайлович, уроженец деревни Цыбасы Шихазанского района. Его, умирающего, держал на руках, как отец родного сына, Нечипорук — пожилой хлебороб из Винницкой области.

— Петя, как же это? — уже в который раз спрашивал Леонид Артемьевич. — Крепись дружок, тебе еще жить надо...

— Артемьевич... — глухо и медленно произнесли уста Налетова. — Пулемет никому не отдавай. Хозяином будь... А меня не поминай лихом. Напиши моей мамаше, Варваре Алексеевне Алексеевой...

Нечипорук остался без друга, и когда командир роты на второй день спросил, кого бы поставить первым номером к пулемету, Леонид Артемьевич взволнованно сказал:

— Разрешите мне быть первым номером. За Петра Налетова отплатить я должен...

И Нечипорук занял место погибшего. Вторым номером командир роты назначил Анатолия Куракова. Для Леонида Артемьевича это было как гром среди ясного неба. Правда, командиру роты он не осмелился ничего сказать, зато «шельму» Куракова встретил очень строго. Когда тот пришел и нарочито четко, со скрытым ехидством доложил: «Вступаю под ваше командование, товарищ гвардии рядовой Нечипорук», — Леонид Артемьевич искоса посмотрел на него и сразу же решил охладить парня.

— Так. Весьма рад. Что ж, товарищ гвардии рядовой Кураков, попробуйте-ка для начала пулемет почистить, потом я самолично проверю, как вы можете стрелять, то есть на какой точке ваше умение стоит.

Кураков внутренне хохотал и радовался тому, что будет воевать теперь с Артемьевичем, всеми уважаемым человеком и первым солдатом в роте. Он тотчас же взялся за дело: быстро разобрал пулемет, проверил, почистил, затем также быстро собрал.

— Пулемет в порядке, — доложил он Нечипоруку.

— Ну-ка, пробную дай, — сказал Леонид Артемьевич. — Целься вон в тот столбик.

Кураков дал пробную очередь. От столбика во все стороны разлетелись мелкие щепки.

С тех пор у Нечипорука и завязалась новая дружба, не менее славная и трогательная, чем та, которую он имел с Налетовым. Прошло с полмесяца, и он как-то на марше, смягчившись, заявил Куракову:

— Знаешь, я прощаю тебе все. Хотя ты, сукин сын, и больно обидел тогда меня. Однако прощаю. Так и быть...

Кураков улыбнулся.

— Я ведь любя, Леонид Артемьевич...

После смерти Налетова Нечипорук не переставал думать над тем, что посоветовал ему Петр после ссоры с Кураковым.

И вот во время марша, шагая рядом с Кураковым за санями, он открыл ему свою тайну.

— Петя Налетов был партийным человеком, — начал он издалека. — Я, видишь, занял его место. Надобно и мне быть партийным. Ты вот что, по-русски лучше меня знаешь. Помоги мне написать прошение куда надо...

От удивления и радости у Анатолия Куракова засняли глаза. Он остановил лошадей.

— Артемьевич, давай закурим моего хумушинского крепачка. Садись.

Нечипорук вынул свою трубку. Закурили.

— Значит, заявление в партию хочешь подать, — аппетитно затягиваясь махорочным дымом, сказал Кураков. — Хорошо, Артемьевич. Напишу. Напишу так, чтобы не стыдно было и в Кремль послать. Ты человек верный и идешь по верным стопам.

И Анатолий с мальчишеским задором дернул за вожжи, крикнул на лошадей, и сани, поскрипывая, легко помчались вперед.

ПЕРЕД ШТУРМОМ

Многим фронтовикам было хорошо известно имя разведчика Владимира Гусева. Во время одной из операций шальная пуля ранила его. Было уже начало января, когда он выписался из госпиталя. И сразу же вызвал его командир. Справился о здоровье и сообщил, что за мужество и отвагу Гусев представлен к награждению орденом Красной Звезды.

Старшина вышел от своего командира, словно опьяненный. Второй орден будет красоваться на его груди! Радостный, он возвратился в подразделение.

Прошли считанные дни, и полковник вновь вызвал Гусева. «Ну, теперь за орденом»,— решил разведчик. Надел свое самое лучшее обмундирование, до блеска начистил ботинки.

Полковник несколько удивился его сверкающему виду и шутливо заметил:

— Вы сегодня словно на парад собрались.

— Все это от нечего делать...

— Вот оно что! Ну, работа как раз нашлась.

Полковник коротко объяснил обстановку. Требовалось разведать и уничтожить склад боеприпасов в тылу врага. Командир посмотрел на Гусева и переспросил, точно ли он понял боевое задание. Затем, пройдя к карте, сказал:

— Склад должен быть здесь. Видите лес?

— Вижу.

— Лесной массив здесь обширный. Он тянется на сотни километров. В районе склада местных жителей почти нет. Вот и все, что я могу сообщить вам. С вами пойдет сержант Шумилов.

К вечеру был отдан приказ о выходе Гусева и Шумилова в разведку.

Перейдя линию фронта, разведчики решили сначала узнать, какая техника вывозит боеприпасы из этого таинственного склада. Отойдя на несколько километров от передовой, они скрылись в лесу. В темноте легко было сбиться с пути. Поэтому Гусев то и дело останавливался. Вдруг Анатолий Шумилов услышал слабый рокот работающего мотора. Через некоторое время он был уже отчетливо слышен.

— Как бы на часовых не напороться,— прошептал Шумилов.

Пройдя еще некоторое расстояние, разведчики наткнулись на тоненькие деревца, которые стояли почти на одинаковом удалении друг от друга. Внимательно присмотревшись, старшина разгадал вражескую хитрость: деревца были воткнуты в специально сделанные ямы, и создавалось впечатление, что они растут. Но стоило их вынуть, как открывалась хорошо проторенная машинами дорога. Разведчики отошли от дороги и пошли вдоль нее. Близился рассвет. Вскоре дорога раздвоилась.

Разведчики решили идти по правой ветке. Не прошли и километра, как старшина дернул за рукав Шумилова, и оба камнем упали в глубокий снег. Метрах в ста пятидесяти от них ходил фашистский часовой в тулупе. Сейчас он стоял к разведчикам спиной и не заметил их. А еще дальше, за лохматой лиственницей, виднелся второй.

Гусев и Шумилов стали пробираться ближе к часовому. Нагруженные взрывчаткой вещевые мешки мешали ползти. Лежать было невыносимо холодно. Однако малейшее шевеление могло привлечь внимание вражеских солдат. У Гусева сначала сильно мерзли ноги, а потом он вообще их перестал ощущать.

— Руки словно крюки,— шепнул и Шумилов.

Но старшина ничего не ответил. Он неотрывно наблюдал за странным поведением ближнего часового, который то подходил к ели, то, пугливо озираясь, поспешно отходил от нее.

— Что же он хочет?— задумался Гусев.

Затем ближний часовой подошел к другому и о чем-то с ним заговорил. Гусев, хорошо знавший немецкий язык, надеялся уловить смысл разговора, но ничего не услышал. В это время один из часовых направился к лохматой лиственнице. Он еще раз посмотрел вокруг и... скрылся в подземелье. От удивления старшина широко раскрыл рот...

Прошло пять минут. Часового все не было. Разведчики решили подползти ближе к тому дереву, возле которого скрылся гитлеровский солдат. Пролежав еще несколько минут, Гусев решил пробраться в подземелье и прикончить там часового.

— Надо сначала этого снять, потом — другого,— предложил Шумилов.— А то этому покажется подозрительным, почему тот долго не выходит, и поднимет шум.

— Нет, этого пока нельзя,— ответил Гусев.

— Тогда надо другой выход искать...

Гусев промолчал.

— А там что, чучело, что ли? — шепотом спросил сержант.

Старшина присмотрелся и увидел третьего часового.

— Надо быть осторожнее, а то сами можем попасть в ловушку.

В это время из подземелья вышел часовой. А через несколько минут с противоположной стороны пришла смена. Солдат было много. Сменив троих часовых, остальные пошли дальше.

— Значит, где-то недалеко караульное помещение.

— Выходит так,— подтвердил Гусев.

Только что сменившиеся часовые сначала стояли, как вкопанные в землю столбы. Но вот и эти стали сначала

ходить, а потом бегать. Воспользовавшись этим, разведчики решили приступить к выполнению приказа.

Когда двое часовых сошлись, Гусев и Шумилов стали пробираться к входу в подземелье. Но один из них по неосторожности напал на ветку и переломил ее. Раздался треск. Часовые быстро схватились за оружие, прислушались.

— Может быть, нам показалось только,— сказал один из них.

Постояв немного вместе, часовые разошлись по своим местам.

— Нам еще придется подождать. Сейчас не проползти. Там снег примятый, не скроешься,— предложил сержант.

Часовые сменились еще раз. Новая смена принялась внимательно осматривать местность. Один из них чуть не напал на след разведчиков. Но все обошлось благополучно. С очередной сменой пришло около взвода гитлеровских солдат. Они разделились на небольшие группы и начали вытаскивать маскировочные деревца. На всей опушке остались лишь редкие большие ели и несколько берез.

— Вот оно в чем дело! Теперь ясно, где вы прячетесь,— чуть не воскликнул было старшина.

Под шум и треск прямо под носом у часовых разведчики скрылись в подземелье.

* * *

Темнота. Ощупывая стены, разведчики медленно двигались вперед. Вскоре свернув вправо, они пошли по широкому проходу. Через несколько метров этот проход превратился в широкую, но не очень глубокую круглую яму, наполненную боеприпасами.

Обойдя вокруг эту яму, они наткнулись еще на один выход. Решили проверить и его. Через несколько шагов нашли новые штабеля с боеприпасами. Затем еще и еще...

— Эх ты, сколько!— с удивлением прошептал Шумилов.

В каждом штабеле они установили мины с часовым механизмом. Затем прошли по новому проходу, который кончился как-то внезапно. Разведчики от неожиданности остановились. Здесь прямо на них смотрел широко от-

крывшимися от ужаса глазами гитлеровский часовой. Гусев выхватил пистолет и выстрелил в него. Едва они успели выбежать и отползти от подземелья, как раздалось несколько сильных взрывов.

* * *

Ночь. Изредка слышатся то очередь из автоматов, то глухое уханье снарядов. И снова тишина. Легкий ветерок с каждым часом усиливается, и вместе с ветром валит на землю мягкий пушистый снежок.

Кажется, все отдыхают. Лишь часовые расхаживают взад и вперед, охраняя свои посты. Да еще на окраине небольшой деревушки в маленькой избенке, преодолевая сон, сидят офицеры и о чем-то озабоченно и тихо ведут разговор. Лица их усталые.

Среди них молодой, с небольшими рыжими усами человек с погонами полковника. Он склоняется над столом и наносит то точки, то черточки на лежащую перед ним карту. Вот он по этим отметкам провел жирную красную черту, глубоко вздохнул и сказал:

— Вот и все, что мы могли сделать. Но это только жалкие и очень скудные наши данные,— прошелся полковник по комнате.

Потом он вновь сел за столик и закурил. Все молчали. Никто не решался нарушить дум своего командира.

— Недавно туда были посланы разведчики. Они должны были вернуться еще вчера,— вполголоса сказал полковник.

Старшина Владимир Гусев и сержант Анатолий Шумилов не раз налетали на штабы, склады и другие военные объекты врага и уничтожали их. А сколько они приводили «языков»? Полковнику вспомнилось, как еще в сорок первом году к нему перевели Владимира Гусева — юношу с черными бровями и голубыми глазами. Этот солдат стоял тогда перед ним, словно недвижимая статуя. И тогда командир полка спросил у него:

— Откуда же ты родом?

— Из Чебоксар.

— Волжанин, значит...

Но почему же на этот раз их все нет и нет?

Вдруг за стенами избы послышался шорох и хруст снега. Все привстали и насторожились. Затем этот шорох переместился в сени. Медленно открылась дверь, и

в ней показался фашист. Он нерешительно остановился на пороге. Увидя такую картину, командиры схватились за оружие. В это время кто-то сзади толкнул остолбеневшего гитлеровца в избу. Пленный сделал два шага и опять остановился. Не то от холода, не то от страха он дрожал, как осиновый лист на ветру. Лица его почти не было видно. Оно было закутано какой-то тряпкой. Только большой нос высовывался из-под нее.

Из-за спины пленного фашистского солдата показались две фигуры в белых халатах. Это были те, кого с нетерпением ждали на командном пункте стрелковой дивизии. Те, о ком все думали и гадали, что же с ними случилось. И вот они, уставшие, стоят перед командиром с веселой улыбкой на лицах. Старшина Гусев подошел к офицеру и доложил:

— Товарищ полковник, ваше приказание выполнено!

— Так точно. Склад боеприпасов взорван. На всякий случай захватили «языка», — добавил сержант Шумилов.

В отделеении их не шестеро, как значится по списку, а семеро... Шестеро встают по подъему, шестеро идут на физзарядку, потом завтракают, занимаются у боевой техники, а седьмой всегда рядом с ними, где бы они ни находились. Он — в мыслях и делах этих шести.

...Почти трое суток бушевала метель. И люди все это время не уходили с огневой позиции, отгребая снег от техники, очищая от него окопы. Они несли боевое дежурство, они не могли допустить, чтобы метель помешала выполнению задачи.

Трудно, очень трудно работать на пронизывающем до костей ветру, когда колючий снег, словно дробью, бьет по лицу, набивается за воротник шинели, слепит

глаза. И, конечно, попробуй найди в себе силы, чтобы, зайдя в помещение, оторваться от жаркой печки, к которой притулился озябшими руками.

Но такие силы все же находили. Когда к исходу третьих суток всех шатало от усталости, от бессонной напряженной работы, командир отделения младший сержант Иван Краснов сказал:

— А ему разве было легче?

И вышел из помещения первым. За ним — все остальные...

Вот так подействовало на них одно только упоминание имени их седьмого боевого товарища.

Было и так. Полигон. Жарища. Ртутный столбик не опускается ниже 35—40 градусов даже ночью. А ты сиди в металлической кабине! И они сидели, тренировались по многу часов подряд. Надо! Ведь это — проверка их боевой зрелости, проверка на готовность к бою. И когда было особенно тяжело, они произносили имя своего седьмого боевого товарища, мысленно обращались к его светлому образу. И это снова придавало им бодрости, помогало переносить все тяготы и лишения армейской службы.

Они добились отличных успехов, младший сержант Краснов, рядовые Петр Климов, Николай Шаров и другие воины отделения. Их действия во время стрельбы признаны исключительно четкими и слаженными. И когда отделению была объявлена благодарность, все шестеро снова мысленно обратились к седьмому бойцу. Радуюсь успехом, они будто докладывали ему:

— Не подвели мы вас, Илья Тарасович Тарасов...

Кто же он? Почему его образ всегда в сердцах не только этих шестерых воинов, но и всех, кто вместе с ними служит?

...Солнце, большое, багряное, едва показалось из-за леса, как на позиции 95 гвардейского стрелкового полка 31 гвардейской стрелковой дивизии ринулись фашистские «тигры». Их вытянутые вперед длинные жерла орудий изрыгали огонь. И застонала земля от взрывов снарядов и мин; вспыхнул, закипел жаркий бой.

Небольшая высотка, где врылся в землю вместе со своими товарищами Илюша Тарасов, окуталась дымом и пылью. И этот юноша, уроженец деревни Черышхирлепы Вурнарского района Чувашской АССР, прошел длинный боевой путь по дорогам войны — от своей род-

ной Волги до Витебской области. Шел где пешком, где ползком, а где вот так же, как здесь, застревал в окопе, отбивал яростные атаки врага...

А гитлеровцы все лезли. Атака следовала за атакой. Против горстки храбрецов немцы бросили танки и самоходки. Рядом с Илюшей никого уже не осталось в живых. Смертью героев погибли Герасименко Виктор Климентьевич — уроженец из города Клинцы, Иванов Игорь Николаевич — из Ярославской области, Еланцев Иван Васильевич — из Горького, Шевелев Андрей Федорович из Омска... Тяжело был ранен и Тарасов. Но его пулемет продолжал косить врага, и гитлеровские автоматчики попадали с танков, стали окапываться.

Но вот пулемет советского бойца замолк. И сразу же уши Тарасова словно оглохли от тишины. Он резко рванул на себя затвор. Все ясно: кончились патроны.

Фрицы — вот они, совсем рядом. Медленно переваливаясь на воронках, на окоп Тарасова полз танк с черными паучьими крестами. Илюша неловко размахнулся левой рукой, бросил в него гранату. Она разорвалась рядом. Напрягшись изо всех сил, размахнулся еще раз и, больно ударившись о бруствер окопа, бросил еще одну гранату. Она угодила в цель. Танк остановился.

В это время отважный солдат получил новое ранение. А на него полз новый танк. Что же делать? А враг вот-вот проскочит окоп и будет давить и мять все попавшееся на пути. Что же делать?

И тогда он принял решение: ценою своей жизни не пропустить врага. Засунул одну гранату за пазуху, две заткнул за пояс и, когда до танка оставалось несколько шагов, пополз ему навстречу, пополз, чтобы лечь ненавистой вражеской машине под гусеницы, заслонить родную Отчизну, землю, где родился и вырос, где познал счастье свободного труда.

Так погиб Илья Тарасович Тарасов — отважный богатырь. Погиб, но не умер. Светлый образ его, геройский подвиг, который он совершил, живут и вечно будут жить в памяти благодарных потомков.

В этом же бою геройски погибли сержант Исаков Аламбай из Казахстана, Башмаков Петр из Мордовии, Хабиров Шайгардан из Татарии, старший лейтенант Захаров Сергей Кузьмич из Ярославской области Тутаевского района дер. Родмистрово.

Имена этих и многих других стойких и мужественных защитников Родины знает теперь каждый житель дер. Козлы Кородокского района Витебской области. Здесь, в многолюдном и живописном месте, им воздвигнут обелиск. Своих однополчан не забывают и молодые воины.

И вот я вижу в просторной казарме, где живут воины отделения младшего сержанта Краснова и их сослуживцы, большой, любовно оформленный стенд. На нем — портреты всех отличившихся в боях однополчан. Они смотрят с портрета как-то тепло и проникновенно. Здесь, около этого своеобразного исторического документа из истории части, часто собираются сержанты и офицеры. Они вспоминают о суровых годах войны, о воинах-фронтовиках, говорят о своих делах, намечают задачи.

Сюда нередко приезжают ветераны войны — бывшие однополчане. Погостил здесь и бывший командир полка полковник в отставке Гуревич. Он, войдя в ленинскую комнату, сразу же направился к стенду, посвященному героям-однополчанам. И тут молодые солдаты услышали дрожащий голос ветерана:

— Здравствуйте, сынки мои...

И всем, кто был тут, в этот миг показалось, будто дрогнули губы на портретах, приветливо улынулись все герои, сошли к поседевшему офицеру и обнялись, вспоминая фронтовые будни... Потом эти мужественные и храбрые воины полка будто присели за длинным столом и, волнуясь, вспоминали: сколько и чего было пережито в годы войны, по каким дорогам довелось пройти. И словно раздвинулись стены казармы; одна за другой встали живые картины тяжелых боев.

...Узенькая песчаная полоска земли. Впереди — враги, позади — река. Под покровом ночи рота переправилась на противоположный берег и захватила эту полоску. А вот теперь, опомнившись, фашисты непрерывно атакуют, стремятся любой ценой сбросить советских бойцов в воду.

— Товарищи! — обратился тогда к своим бойцам командир роты старший лейтенант Сергей Захаров. — Ни шагу назад! Умрем, но не отступим!

И они не отступили... На другие сутки подоспело подкрепление и стремительным броском воины полка смяли оборону врага. Развивая наступление, они прошли с боями многие сотни километров.

В один из летних вечеров гитлеровцы перешли в наступление. Первый удар снова пришелся по роте, где тогда служил гвардии рядовой Илья Тарасов. Командир роты был тяжело ранен, но не покинул поле боя. Когда положение стало особенно трудным, он обратился к бойцам:

— Гвардейцы! Будем держаться до последних сил, до последней капли крови...

И гвардейцы 95 стрелкового полка держались. С подходом главных сил они уже повернули врага в бегство. Но не все увидели этот час...

Взволнованно и неторопливо ведет рассказ командир полка. Слушают его молодые воины, и им, будто наяву, видится весь нелегкий путь советских солдат через пламя войны к победе. В душе каждого — восхищение героизмом фронтовиков, желание служить Родине так, как служили наши деды, отцы и старшие братья.

...В небольшом отдаленном гарнизоне служит немного больше воинов, чем значится по штатному списку. Меняются люди: на смену старослужащим приходят молодые солдаты, но герои всегда остаются в строю.

КОГДА РЯДОМ ДРУЗЬЯ

Первые ряды атакующих поспешили на железнодорожную насыпь, переметнулись через нее и прыгнули прямо в лужу. Здесь-то и ударили пулеметы «противника».

— Ложись!

Командир не мог отдать другого приказа. Перестреляют всех. Метров сто пятьдесят осталось до первой траншеи: под огнем, по равнине. Передохнуть. И броском. Последним...

Мы лежали наполовину в воде. Холодная, она жгла. Но мерзли не все. В двадцати шагах справа прикнулся к бугорку солдат. Наш... Атакующий... Выставил автомат вперед, а сам смотрит в сторону. Не в нашу. В противоположную... Кто?

— Ребята! Васька! — крикнул кто-то.

— Он самый!

А Вася поглядел на лужу и снова отвернулся.

— Я видел, как он туда сиганул,— проговорил лежащий рядом Виктор Коротков.— Что ему? Огонь ведь ведется холостым...

— Эх, Вася, Вася...

Вспомнился эшелон с новобранцами. Шумный. Езда в незнакомое место. Сказали: «Привезем на место». А где оно, это место? Сутки, вторые...

Фиксатый парень в берете щелкнул колодой карт:

— Сыграем? В очечко...

Кое-кто сел. Захрустели рублевки.

Подошел сопровождающий нас сержант.

— Соберите карты!

Фиксатый ухмыльнулся:

— Да мы понемножку, сержант.

— Выполняйте то, что вам сказано!— предупредил он строгим голосом.

Нехотя, одну за другой, парень сложил карты.

— Порвите и выбросьте!

— Вот еще! За них деньги плачены...

Сержант молча смотрит. Спокойно, уверенно смотрит. Небольшой вроде, а силой так и веет. И съежился вдруг парень. Злобно зверкнул золотым зубом, рванул карты пополам и швырнул за окно.

Так мы тогда узнали Васю. Наглым он был. Правда, некоторым поначалу казался прямым, правильным. Потянулись к нему нетвердые. Вступит он в пререкание со старшими по воинскому званию — они поддерживают. Робко. Из-за спины товарищей. Звали мы их «подвывателями».

Служба у «вожака» шла трудно. То выговор получит, то в наряд вне очереди. Очень уж не любил, чтобы им командовали. Чуть что — заершится! Да и многое в службе всерьез не принимал. Из-за этого и счет на гауптвахте открыл первым в подразделении. Правда, счет на нем и закончился.

Случилось это в конце февраля. Как-то под утро разбудил нас крик дневального:

— Подъем. Тревога!

Вскочили моментально. Только Вася голову из-под одеяла высунул и так это наивно спросил:

— А уборщикам тоже подниматься?

В строй он встал последним.

Выбежали на плац. Вьюжило там здорово. Крутится снег, крутится, а потом как даст в лицо колючей россыпью! Спросонок зубами мы застучали. Но на марше быстро согрелись. Жарко стало. Шагом. Бегом. Шагом. Бегом...

Вася сначала шел впереди и все недовольно бурчал. Потом переместился назад. Сопел только.

Прибыли на пункт сосредоточения, а Васи нет.

Он пришел часа через два.

— Отстал,— докладывает командиру.— Ногу натер.

И тут же Николаю Носову шепчет: «В деревне подел. Погрелся у одного папаши... Еле пустили».

Ошибся Вася. Носов честным парнем был.

— Боевую задачу выполняем, а ты? Да за это...

— Брось ты,— напружинился тот.— Не сболтни еще.

Только Носов «сболтнул». Не мог он терпеть лгунов. Открыто рассказал обо всем командиру. За это Вася временно и изменил место пребывания.

В подразделении с каждым днем уменьшалось число васькинских «подвывателей». Разобрались они в нем. Поняли, куда ведет кривая. А товарищей по службе, так или иначе помогавших ему встать наравне со всеми, становилось все больше. Частенько держал он ответ перед комсомольцами.

Бывало, скажет:

— Я же беспартийный...

— Ты член нашего коллектива. Воин. Мысли и дела у нас должны быть общими. И будут! Даже если ты этого не хочешь,— отвечали ему солдаты.

Вася был боксером. По вечерам он в красной шелковой майке подолгу «избивал» грушу в углу спортивного зала. И обязательно хвастался:

— Ну, зелёные, кто против? Давай!..

Возмущались мы здорово. Где только слово выкопал? Полгода не прослужил, а чуть не старослужащим себя считает. Но выходить на ринг было некому. Это дало повод Васе окончательно задрать нос.

— Набить бы ему,— размышляли некоторые.

— Я занимался немного боксом,— открылся Николай Носов.— Вот если потренироваться...

Все ухватились за эту мысль. Победить Васю на ринге — здорово! Надо же помочь человеку избавиться от самонадеянности.

Николай тренировался вместе с чемпионом части сержантом Чугуевым месяца два. Воины стремились сохранить эту тайну и с нетерпением ждали Васькиного поражения.

И вот они на ринге. Начало поединка обрадовало: Николай настойчиво атаковал, загонял «противника» то в один, то в другой угол. Некоторые уже готовились торжествовать победу.

— Но-сов! Но-сов!

Во втором раунде Николай увлекся нападением и пропустил прямой удар. И тут все увидели, что Вася сильнее. Просто он защищался пока. Точно защищался. А теперь двинулся в атаку.

— Технично работает,— сказал кто-то.

— Красиво,— поддерживал другой.

Николай совсем ослаб. Мы это видели. Видел это и Васька. Он-то наверняка не забыл «предательства» Носова. Сейчас припомнит. Сорвет злость...

Васька мог закончить бой одним ударом. Ну вот... Мы уже не кричали Носову. Бесполезно. А Вася не хотел его избивать. Он даже дал ему передохнуть, ослабив натиск.

Мы проиграли. Но когда боксеры устало сошлись на середине и судья поднял руку спортсмена в красной шелковой майке, мы услышали:

— Колька, давай вместе тренироваться. Что ты к соседям бегаешь?

Нам оставалось лишь изумленно переглянуться.

Нет, Вася и после этого не стал отличником учебы. Он и сейчас нередко отвечает:

— Есть один наряд вне очереди!

Но меняться он все же начал. Правда, чего-то еще не хватало для окончательного становления характера. Чего же?

...Солдаты лежали в болотистой местности несколько минут. Медленно ползли вперед одни, пока другие прикрывали огнем, и — наоборот. Готовились к броску вперед. Я нет-нет, да поглядывал на Васю. Лежит. Стреляет.

Мы и он. Двадцать пять и один. Словно чужой. А ты же наш, Вася! Наш! И парень ты вовсе не плохой. Показного в тебе много. Это точно. Но душой ты с нами. Помнишь, как зимой ты спасал Владимира Артемьева? На лыжных соревнованиях. В полынью Владимир про-

валился вместе с лыжами. Впился руками в лед, а вылезти не может. Лыжи сбросить невозможно. Не достать. Кричал. Думал — все... Вдруг — Вася! Многих обогнал. Услышал крик. Полз по зыбкому льду. Говорил: «Потерпи, Володя, я сейчас... Потерпи». И вытащил. Куртку с себя снял. Вернулись к старту. Когда все бросились к Артемьеву, ты отошел. Не хотел оказаться в центре внимания. Если бы не ты, Васька...

Ты делился как-то воспоминаниями о гражданской жизни, когда работал на лесозаготовках Чувашии. Пил тогда ты много, сам же рассказывал. И дрался часто. Плохие у тебя друзья были. Ты это и сам понимал. Но трудно было стать другим. Трудно, а надо...

Вот и сейчас ты сделал ошибку. Побежал в сторону. Огонь холостой. Это верно — не убьют. А вдруг и в настоящем бою так? Как же ты один? Один из всех? Неужели ты так ничего и не понял?

— Ребята, смотрите, бежит,— пронеслось по цепи.

На какой-то момент перестали стучать пулеметы, и Вася вскочил и бросился к нам. Он бежал, низко пригнувшись, прямо по луже. Тяжело топал сапогами. Он бежал к нам. И взгляд у него был открытый. Словно просил: «Ну, ругайте меня, наказывайте... Но это в последний раз».

Брызги плеснули на Николая Носова. Да что тут брызги, когда тот в луже насквозь промок. Однако Николай, стараясь быть сердитым, проговорил:

— Тише, не брызгайся...

И подвинулся, освобождая место еще одному атакующему. Вася упал и тоже выставил автомат вперед. Тогда — в сторону окончательной победы над «противником» и самим собой.

ПЛАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

Учения кончились. Рядовой Василий Зотов с нетерпением ждал этого дня и дождался. Теперь он сидел в хозяйственной комнате и укладывал свои вещи в небольшой чемоданчик. В руки попался альбом. Василий неторопливо открыл его и взял фотографию. Сколько раз на учениях и занятиях в свободную минуту он разглядывал ее! Это она придавала ему сил, помогала выйти из любого трудного положения. Бывало, что иногда, оставшись один на один с фотокарточкой, Василий разговаривал с нею...

В этом ничего удивительного не было. Василий любил Зину той первой юношеской любовью, порывистой и чистой. Он навсегда унес с собой на Север тепло ее глаз.

А глаза у нее были карие, добрые, брови густые, сросшиеся на переносице. Губы вишневые, как на картинке. Две небольшие ямочки на щеках. Волосы у девушки пышные, вьющиеся и чем-то напоминают Василию волны морской бури.

Воспоминания Зотова прервал старшина роты. Он, подойдя вплотную к солдату, кашлянул и по привычке поправил фуражку.

— В отпуск, значит, собрался,— словно продолжая прерванный разговор начал он и тяжело опустился на табуретку.— Можно будет взглянуть?— увидев в руках Зотова фото, спросил Никонов.

Старшина долго рассматривал портрет девушки. По его выражению Василий понял, что Зина понравилась Никонову. После долгого молчания старшина лихо сдвинул фуражку на затылок, блеснув глазами, воскликнул:

— И ты еще не женат? Немедленно женись, езжай в отпуск, сватай. Да как же ты чайку такую одинокой оставляешь? Не по-солдатски это, брат, не по-нашенски!

Большим шутником был старшина, и Василий не обиделся на него, хотя густая краска залила лицо. После ухода Никонова он долго сидел, глядя в окно. Из головы не выходил разговор со старшиной. «Эх, старшина,— думал Василий,— если б ты знал! Вот уже три месяца от этой самой чайки нет писем. А я же ей пишу почти каждый день. С нетерпением ежедневно жду часа, когда в роту приносят почту...»

С каким бы желанием он ни ждал от нее весточек, ему ничего не было. Василий же продолжал регулярно писать.

Ему очень хотелось встретиться и поговорить с Зиной. Хотелось рассказать ей обо всем, поделиться чувством, какое он испытывал в годы разлуки. Сказать ей то единственное, святое слово, которое он берег и вынашивал, согревал теплом, то первое и робкое «люблю».

И вот, когда за отличную боевую выучку перед строем Зотову объявили краткосрочный отпуск с выездом на родину, он вдруг заробел. Ему быстрее хотелось увидеть родных, друзей, с которыми прошло его детство, Зину... Однако его пугало то, что, глянув в ее глаза, он встретит в них холодность и безразличие. Ведь еще в последнем письме она намекала, что ей скучно становится жить так, одними его письмами...

В это время в ленинской комнате электромеханик Николай Петров, закадычный друг Василия, растянул меха баяна, и рассыпалась мелодия русского перепляса. А наводчик Григорий Адамян, проворно работая ногами и плечами, выскочил в образовавшийся круг и пошел чеканить каблуками. Затем командир отделения Гриша Котик, словно предъявляя мандат для входа в круг, сделал замысловатое па и пошел вприсядку. Солдаты веселились, точно все это они организовали в честь проводов товарища в отпуск.

Вечером, распрощавшись со всеми, Зотов направился на вокзал. Заместитель командира по политической части Григорий Иванович Дубов вызвался проводить его до проходной. На прощанье крепко пожал руку, по-отцовски тепло улыбнулся и сказал:

— Завидую вам, товарищ Зотов. Вы отпускник. Отдыхайте. Землякам привет передайте и вообще ведите себя достойно, как подобает солдату. Желаю хорошо провести время и с новыми силами на службу! Ясно?

— Так точно!

Через несколько минут Зотов уже шел по узенькой улице, ведущей в город. Василий шагает быстро, сам того не замечая. Вскоре по сторонам улицы начались небольшие стандартные дома. Кругом было тихо. Видимо, жара июльского дня приморила все живое.

Вдруг до слуха Василия донесся женский крик. Зотов бросился в узкий переулок. Солдат увидел объятый пламенем дом. Из его окон валил густой черный дым. Наличники окон лизало кровавое пламя. Несколько женщин лили ведрами воду, но усилия сбить пламя были тщетны.

Две женщины держали за руки молодую мать, которая упорно рвалась в огонь и в истерике кричала: «Доченька моя, Томочка, милая! Ой, родненькие, помогите!..» Василий на миг оторопел. Но в то же время он бросил в сторону чемодан и скрылся в поглощенной дымом комнате. Женщины опешили и замерли на месте. Так все это было для них неожиданно. Из-за поворота с воем выскочила машина. Пожарники прыгнули на ходу и принялись разматывать шланги.

— Товарищи, скорее, там человек!— срывающимся голосом крикнула женщина, подбегая к машине.

Дышать было трудно. Казалось, кто-то расплавленным железом наполнял легкие, дым резал глаза. Васи-

лий прижался ближе к полу, но и это не помогало. Он чувствовал, что на нем уже тлеет мундир, но какая-то сила толкала мужественного солдата вперед. Теперь им руководила одна мысль — спасти ребенка. Метр за метром пробираясь вперед, он натыкался на горящие предметы, но боли уже не чувствовал, только все тело ныло и казалось совсем чужим.

В доме было несколько комнат, и это осложняло поиск. Только в третьей комнате удалось наконец найти девочку. Она лежала, прижав к груди маленькую куколку. Одеяльце по краям уже дымилось. Схватив ее, Василий, натыкаясь на горящие стены, бросился к окну.

Со звоном вылетела рама. Напрягая последние силы, Василий перенес ногу через подоконник и вместе с прижатой к груди девочкой рухнул на землю. Зотов потерял сознание. Холодная упругая струя воды сбила пламя с одежды солдата. Сильные руки подняли солдата и девочку с земли. Мать бросилась к недвижимой девочке, криком надеясь воскресить угасающую жизнь.

* * *

Когда рядовой Зотов пришел в себя, он сразу понял, что находится в больничной палате. Белые марлевые занавески на окнах чуть качались под свежим ветерком. Солдату казалось, что он лежит в кипятке. Обгорелые губы запеклись и не двигались. Много врачей приходило тогда к больному. Все они говорили на латыни, и Василий, признаться, почти ничего не понял. Судя по их озабоченным лицам, чувствовал, что его жизнь еще не вырвана из рук смерти. Однако врачи всегда подбадривающе улыбались солдату, щупали пульс, осматривали. Среди них Зотов заметил стройную, высокую девушку в накрахмаленном халатике и шапочке.

Василию эта девушка-врач чем-то напомнила Зину, хотя общего в их чертах было очень мало. Может, только ямочки на щеках были единственным признаком сходства. Когда она входила в палату, то всегда открывала форточку легким, как казалось Василию, красивым движением. И тогда в палату, пропахшую запахом йода, хлороформа, волнами вливались ароматные запахи лета, шум бурлящей за больничным садом улицы.

На другой день в палату вошел взволнованный случившимся замполит в торопливо накинутом на широкие

плечи халате. Его сопровождал врач. Григорий Иванович поздоровался, но Василию говорить не дал, предупредив его об этом жестом.

— Ребята наши привет передают. Пока еще их сюда не пускают, но очень скоро они будут твоими частыми гостями,— сказал замполит. Однако Василий видел, что он крайне озабочен судьбой своего солдата.— А у нас новость,— продолжал он,— ваше отделение опять в отличные вышло.— Дубов погладил Василия по забинтованной руке. Посмотрел в потускневшие глаза, безбровое, покрытое пятнами ожогов лицо.

Свидание Дубова прервал врач. Он вызвал Григория Ивановича в ординаторскую и, тяжело вздохнув, сказал:

— Состояние больного очень тяжело. Ожоги имеют большой процент кожного покрова. Немедленно нужна пересадка кожи. Иначе...— врач не договорил, но офицер понял: может случиться самое страшное. Замполит, не задумываясь, заверил, что кожа для пересадки будет.

В подразделении уже всем было известно об отважном поступке своего сослуживца. И теперь, зная, откуда вернулся замполит, его мигом обступили сержанты и солдаты. Григорий Иванович заговорил медленно и тихо:

— Товарищи, наш Василий находится в очень тяжелом состоянии. Ему срочно нужна наша помощь...

Все заволновались, зашумели.

— Мы всегда, товарищ майор, готовы помочь товарищу. Один за всех и все за одного,— выкрикнул Григорий Адамян. Его все дружно поддержали.

— Может, ему кровь для переливания нужна? Я готов, у нас с Зотовым группы одинаковые,— добавил Петров.

— Да разве ты один готов?— возбужденно заговорил несколько голосов.

— Тихо, товарищи!— Григорий Иванович окинул обступивших испытывающим взглядом. В наступившей тишине прозвучали слова замполита:— Врачам нужна кожа. Понимаете, кожа, живая человеческая кожа, без которой о благополучии здоровья Зотова нельзя пока говорить...

По лицу каждого воина можно было определить, что он готов ради своего друга на все.

— Куда обращаться по этому делу?— первым глухо спросил рядовой Петров.

Замполит порывисто взял его руку и крепко, по-отцовски пожал.

— По этому вопросу мы обратимся, товарищ Петров, к врачам. А теперь я поручаю вам составить список воинов, желающих дать свою кожу товарищу. Хотелось бы быстрее знать тех, кто желает.

— Мы все желаем,— твердо сказал Адамян под одобрительные возгласы товарищей.

— Благодарю, товарищи. Благодарю! От имени командования благодарю,— и Григорий Иванович заторопился, стараясь скрыть навернувшиеся в уголках глаз слезы.

Все окружили Петрова, называя свои фамилии, и не отступали от него до тех пор, пока не убеждались, что они действительно записаны.

* * *

Не один месяц прошел с того дня, когда Василия поместили в больницу. В палате по-прежнему он был один. Операция по пересадке кожи прошла успешно. Молодые ткани тела быстро срастались, зарубцовывались бледно-лиловой тонкой кожей.

Близилась поздняя осень. Василий с грустью наблюдал, как сползали по оконному стеклу прозрачные капли, оставляя за собой бисерные штрихи, как дрожали на ветру оголенные ветви деревьев. Дважды его навещала мать девочки, которую он спас. Это была молодая женщина, и каждый раз она смущалась, благодарно глядя на забинтованного отважного солдата. От нее Василий узнал, что дочь ее, Томочка, лежит в этой же больнице и скоро выпишется.

А когда в палату входила врач Зоя, Василий ловил себя на том, что ждал ее прихода и очень рад видеть. Они подолгу беседовали. Всего два года назад она окончила медицинский институт и разговор обычно начинала с воспоминаний о студенческой жизни, о товарищах по учебе, делилась своими впечатлениями о книгах, просмотренных кинофильмах...

Вот и сегодня в палате Василия было тихо, когда вошла Зоя. Она осторожно подошла к кровати больного, поправила одеяло и присела рядом. Василий спал, положив на грудь забинтованную руку. Врач поднялась было уйти, но больной открыл глаза. Он благодарно смотрел

на Зою, которая часами просиживала у его кровати.

— Вы уже проснулись? — Зоя потрогала рукой горячий лоб Василия и покачала головой.— Температура-то не спадает... Ваши ребята сегодня снова приходили, но главврач их не пустил. Слишком, говорит, зачастили.— Она улыбнулась и, лукаво посмотрев в глаза, спросила:—Ну как, Василий, скоро пойдем в театр, а?

— Скоро, Зоя, скоро. Очень даже скоро.— Василий попытался повернуться, но от боли лишь виновато улыбнулся.

Зоя знала, что ни о каком театре еще не может быть и речи. По-матерински заботливо поправив пуховую подушку, она собралась уходить, но Василий осторожно взял ее нежную девичью руку, легкую и доверчивую. Но Зоя вдруг вздрогнула и густо покраснела.

За окном порывистый ветер, бросая крупные капли дождя, барабанил в стекло, и под эту монотонную песню хорошо было сидеть рядом с дорогим тебе человеком.

* * *

День рождения Зотов встретил в больнице. Рано утром к нему пришел Григорий Иванович с газетой и небольшим свертком в руках. От имени командования и всего личного состава части он поздравил отважного воина с днем рождения. Затем прочитал статью в газете, где описывался его благодарный поступок.

— Теперь прими этот скромный подарочек. Его просили передать тебе наши солдаты.

Развернув бумажную обертку, Василий увидел книгу в голубом коленкоровом переплете. Это была «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого.

После ухода Дубова в палату вошли радостные Николай Петров и Григорий Адамян. Василий был рад друзьям. Его трогало то внимание и братские чувства, которые питают к нему сослуживцы.

Около одиннадцати часов дня в палату вошла Зоя. Букет пионов факелом горел в ее руке. Василий впервые видел ее такою. Казалось, в тихую больничную палату она внесла с собой запах осени, молодость бурной жизни, зовущей и бьющей ключом. Девушка подошла к Василию, окинула его большими выразительными глазами и спрятала за спиной букет.

— А я, оказывается, опоздала, — Зоя взглядом указала на подарки. — Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Девушка звонко рассмеялась и, пожелав Василию всего наилучшего, протянула букет живых цветов.

С того дня прошло много времени. Здоровье Зотова шло на поправку, и скоро он уже должен был выписаться. Каждый день к нему заходила Зоя.

Теперь Василий уже мог вставать. С утра и до позднего вечера сидел у окна и читал принесенные друзьями книги.

А вскоре Василий совсем окреп и выписался из больницы. Зоя вызвалась проводить солдата. Они шли по широкому и светлому коридору, устланному цветной ковровой дорожкой, в которой утопал звук шагов.

Уже у выхода Василий стиснул теплую, по-детски тонкую руку девушки и внимательно посмотрел в ее большие карие глаза. Зоя не отвела взгляда. Они смотрели друг на друга тем понимающим взглядом, без которого, казалось, вся жизнь померкнет, сделается тихой и безрадостной.

Зотову трудно было расставаться с человеком, который в трудную минуту помог ему, поддержал в нем силы, углубил в его сердце веру в будущее, который коротал у его постели длинные осенние вечера. Вот почему так дорога и близка была Зотову эта славная девушка. Он знал, что будет думать о Зое, как о хорошем друге, без которого ему трудно будет идти по жизни...

А Зина? Почему она перестала писать? Ну, что ж, он напишет ей и объяснит все подробно. Ведь должна же она понять, что чувство, рожденное в борьбе за его жизнь, несравненно больше того чувства, которое стало уже почти призрачным.

Молчание нарушила Зоя.

— Вы будете заходить к нам, правда?

Разве мог Василий отказаться от такого счастья?

— Обязательно. Часто заходить буду. Эта больница для меня теперь как родной дом.

— Ой, извините, чуть не забыла. Вам просили передать письмо. — Зоя торопливо пошла по коврикам и вскоре вернулась, держа голубой конверт в руке. — Вот, возьмите, просила передать мать той девочки, которую вы спасли.

— Благодарю вас,— сказал Василий и, распечатав письмо, начал читать.

Мать девочки просила заходить Зотова к ним, благодарила его за настоящее, пламенное сердце и безграничную любовь к людям. Передавала привет его друзьям по службе.

Когда Василий кончил читать, Зоя неожиданно спросила:

— Скажи, пожалуйста, страшно было тебе в огонь бросаться?

Солдат отрицательно покачал головой.

— Мне кажется, я бы этого сделать не смогла. Смелости не хватило бы...

— Неправильно ты, Зоя, говоришь. Я ведь не думал даже бросаться в огонь, а вышло само собой. И так сделал бы каждый, будь то ты, Коля Петров, Григорий Адамян или Гриша Котик, любой наш советский человек. Мы, Зоя, все такие,— закончил Зотов и, сложив письмо, положил во внутренний карман.

Василий стоял напротив Зои высокий, стройный. Короткая прическа ершом топорщилась из-под фуражки. Брови выросли, и сейчас никто, конечно, не поверил бы, что этому солдату пришлось перенести поистине нечеловеческие муки. Лицо его чистое, только на ушах краснела молоденькая кожа, да руки розовели, словно после мороза. Больше в нем ничего не говорило о том июльском дне...

Они распрощались. От свежего воздуха у Василия закружилась голова. Он оглянулся на прозрачные стекла дверей. На него смотрела Зоя, подбадривающе кивая головой.

...Порывистый ветер яростно трепал ветви березок, бросая под ноги Василию последние желтые и красные листья. Они, как снежинки, шуршали под ногами и летели дальше, гонимые ветром. Вдруг из-за туч выглянуло ослепительно яркое солнце. Оно осветило улицы, здания, лица прохожих. Озарило всю землю, по которой еще долго будет идти вперед Василий Зотов — хозяин этой удивительно прекрасной жизни.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Много лет назад, когда я босоногим мальчиком шагал рядом с солдатским строем, мне казалось, что у всех солдат одно лицо, все они одинаковые, будто отлитые из одного куска бронзы — загорелые, статные, смелые. Пришло время—и я надел серую шинель. Теперь я, конечно, не нашел одинаковых лиц. Все лица разные. И характер у каждого свой, особенный.

Вот, например, Виктор Иванов. Боевой парень. На всякие дела идет первым. Комсомольский вожак.

Борис Васильев — и ростом, и осанкой ему под стать, а характер имеет свой, тихий, застенчивый.

Или, возьмем, Степана Захарова... Да что там говорить! Все солдаты разные. Но...

Это было не так давно, ранней весной. Я возвращался из отпуска и перед самой казармой встретил неожиданное препятствие. Мне оставалось переправиться через реку, а паром, как нарочно, застрял на противоположном берегу, ремонтировался. Позябнув под ветром и дождем, я решил обогреться и зашел в один из крайних домов села. Меня приветливо встретила седая, сторбленная, но очень подвижная старушка.

— На ту сторону?—спросила она.— Не готов еще паром. Да он уже отживает свой век. Мост в этом году закончат строить.

Старушка отдернула оконную занавеску и посмотрела вверх по реке, где из воды торчали частоколом сваи. Потом перевела взгляд на паром и со вздохом сказала:

— Стоит...

Мы разговорились. Старушка рассказала про колхозные новости, я— про свое чувашское село Кумбалы. Узнав, что я возвращаюсь из отпуска, она взволновалась:

— Да ты, сынок, должно, не знаешь про недавнюю беду?

— Про какую? — встревожился я.

— Нынче ведь паром у нас оборвало. Буря налетела страшная. Канат не выдержал. А на пароме детишек переправляли на ферму, в экскурсию. И понесло его вниз по реке. А там ведь скала. Разбило бы, если бы не один добрый человек... солдат...

Я внимательно выслушал рассказ. Когда паром подхватило течением и ветром, какой-то солдат, находящийся на пароме, связал несколько веревок, закрепил один конец за паром, а с другим прыгнул в воду. С большим трудом ему удалось подплыть к берегу. Там его встретили другие солдаты и, взявшись за веревку, общими усилиями остановили паром.

— Кто же он такой?— удивленный смелостью солдата, спросил я, а сам подумал: не из моей ли роты?

— Да не знаю. Внучата мои видели. Они вместе с матерью в тот раз переправлялись. Сеня!.. Се-е-ня! — крикнула старушка, повернувшись к двери в соседнюю комнату.

Дверь приоткрылась, и я увидел две белокурые головки — мальчика и девочку. Они с любопытством уставились на меня. На вопрос бабушки, знают ли они, кто спас паром, дети утвердительно кивнули головами.

— Кто? — нетерпеливо спросил я.
— Солдат! — гордо ответили они.
— Какой солдат?
— Самый добрый. Во-о-он там живет, — мальчик подбежал к окну и показал на противоположный берег. — В том доме...

Это была казарма моей роты.

Еще больше возбужденный, я спросил:

— Фамилию его не знаете? А как он выглядит? Какой он из себя?

Дети переглянулись.

— Высокий, — мальчик вытянул руку вверх, — большой, большой. Даже больше бабушки!

— Да у нас все солдаты высокие.

Дети задумались.

— Какие-нибудь приметы знаете? — продолжал я. — Ну, вспомните, какое у него лицо, волосы...

Мальчик что-то шепнул девочке и, отойдя с ней в сторону, сказал мне:

— Мы сейчас вспомним!

Старушка еще раз пересказала случай на реке с новыми подробностями и добавила:

— Заболел, должно быть, солдат после того купания. Не лето ведь!

— Да что вы, — возразил я, — у нас солдаты крепкие, закаленные.

Гадаю: кто же это все-таки мог быть? Кто из наших солдат скорее всего может решиться на такой поступок? Перебрал всех. Ну, конечно, это Виктор Иванов! Нет, пожалуй, Борис Васильев. А может быть, Захаров?..

— Вспомнили! — вдруг радостно воскликнули дети. — У него орден! Вот такой, как у нашей учительницы Ольги Степановны!

И я вспомнил сияющий на груди у этой молодой девушки значок члена Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Но такие «ордена» у нас носили все, даже коммунисты, состоящие членами комсомольского бюро.

Только добравшись в свою роту, я узнал, что подвиг совершил самый молодой солдат, бывший канадский слесарь Николай Васильев. Это его называли дети самым добрым человеком. Так оно и было на самом деле.

Пурга разбушевалась. Больше недели жгучий морской ветер работал с невиданной энергией. Мороз захватывал дыхание. Вокруг не видно ни зги. Но воины заполярного городка не сдавались. Без устали боролись они со стихией. В любую минуту держали технику в постоянной боевой готовности.

Не сидел без дела и кладовщик продовольственного склада рядовой Иосиф Адамчо. Он знал, что у воинов отдаленной точки продукты на исходе. Туда срочно, любыми путями воин-хозяйственник должен был доставить этот ценный груз. Таков приказ командира.

Через несколько дней ветер стих. Небо прояснилось. Утром, выйдя на зарядку, рядовой Адамчо радостно вос-

кликнул: «Наконец-то дождались погоды! Теперь и в путь-дорожку можно двинуться».

Погода действительно установилась: тихо, тепло. В районе городка со всех сторон доносился глухой шум мощных снегоочистительных машин. За ними следовали тракторы с прицепами, автомобили.

После полудня на отдаленную точку выехала автомашина с продовольствием. Яркие лучи фар далеко падают на ровное, прямое полотно снежной дороги.

Давно остались позади освещенные электрическим огнем корпуса жилых кварталов. По безлюдной глухой тундре вел машину ефрейтор Александр Рыжков. Он не впервые совершает такие рейсы. Ему и до призыва в армию сотни раз приходилось возить грузы из своей деревни Кривятское в Никольский район, а то и до самой Вологды. Иногда приходилось заезжать в такие места, что и подумать страшно, но комсомолец всегда успевал, вовремя выполнял задания.

И теперь счетчик быстро отсчитывает километры. Но вдруг начался снежный заряд. Пошла поземка.

«Это не к добру,— подумал Адамчо.— Как бы пурга не началась...»

Снежные заряды участились. Кое-где на поворотах уже образовались сугробы. ГАЗ-63 с трудом пробирался вперед.

— Ох и погодка же здесь: за полчаса — семь перемен,— недовольно ворчал шофер.

А Адамчо, сидя в кузове, думал только об одном: как можно быстрее пробиться к товарищам, вовремя доставить им продовольствие. А тут еще овощехранилища какой день уже не отапливаются. Ведь там — сотни тонн овощей... Что скажут ему товарищи по службе, командиры и начальники, если заморозить столько продуктов? Он ведь сюда назначен как лучший, дисциплинированный воин...

Тем временем ветер разыгрался невиданной силы. Началась настоящая пурга.

— Здесь крутые повороты. Как бы в обрыв не залететь,— предупредил сидящий рядом офицер.

Ефрейтор Рыжков сбавил скорость.

Неожиданно машина остановилась. Из кузова выпрыгнул рядовой Адамчо.

— Дай-ка я покажу тебе дорогу,— крикнул он Рыжкову.

ГАЗ-63 вновь медленно тронулся с места, но тут же врезался в сугроб. Шофер включил задний ход. Мотор ревел, как бы прося помощи у людей. В снежном вихре ничего невозможно разобрать. Теперь все думали только об одном: не заехать бы в кювет. Сильно буксуя, автомобиль отошел метра на три назад. Рыжков вновь включил передний ход, и ГАЗ-63 с трудом прошел через сугроб. Так, метр за метром, почти вслепую, еле пробивая заносы, машина двигалась вперед. Чуть впереди ее шел солдат Адамчо.

Ураганный ветер сбивал с ног. Смотровое стекло залепило снегом. Дальше ехать было невозможно. Машина стала.

— Вот и попались в ловушку. Ехать-то осталось километра полтора, а не пробились,— нервничал Адамчо.

Откуда-то спереди донесся шум мотора.

— Впереди нас, кажется, трактор идет,— прислушиваясь, сказал шофер.— Может, пройдемся, посмотрим...

И два солдата, ефрейтор Рыжков и рядовой Адамчо, наощупь пошли вперед. Еле виднеется фара автомобиля, а временами теряется в снежной белизне.

— Дальше я не пойду, машину нужно прогревать,— сказал Рыжков, взяв своего друга за руку.

— Хорошо, иди. А трактор, кажется, совсем рядом. Я найду его и приеду за вами,— закрывая лицо меховой рукавицей, сказал Адамчо.

Ефрейтор Рыжков вернулся к машине, а Адамчо пошел вперед на поиски трактора.

Посмотрел на светящийся циферблат часов. Было ровно 19.00. Снег слепил глаза. Ветер захватывал дыхание. Но солдат шел, то сбиваясь с дороги, то вновь выходя на нее. Шел он быстро, где можно — бежал. По времени уже должен был прийти на место. «Где же правый поворот?..»

Темно. Хоть глаз выколи. Адамчо шел, падал, проваливался в снег. Поднимался и снова шел. А в голове одна мысль: только бы вовремя доставить продовольствие. О тракторе теперь и думать было нечего. Кругом играла вьюга. А дороги снова нет.

— Значит, заблудился,— подумал Адамчо про себя.— Придется дожидаться рассвета. А где?

Кругом темно. Суровая, дикая, безлюдная тундра. Только изредка попадают под ноги изуродованные северной природой березки. Он шел медленно, не зная на-

правления, только чтобы не сесть, не уснуть, не замерзнуть.

Адамчо много читал книг и слышал рассказы старожил о суровой, безжалостной тундре. Разве мало людей она обессиливала, сбивала с ног и покрывала снежной скатертью? Те, которые знали хитрости этого сурового края, мужественно боролись со стихией, в неимоверно трудных условиях выходили победителями. Чего только не приходило в голову! Он вспомнил и наших славных богатырей Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского, Ивана Федотова, восхитивших мир своим героизмом, мужеством, силою духа. Вспомнил и мужественного северного летчика Ивана Куницына.

«Я ведь тоже такой же солдат, как и они. Им приходилось намного труднее. Здесь хоть земля под ногами своя, родная». Остановился я у большого валуна. Здесь было сравнительно тише. Рукавицей потер покрывшееся ледяной коркой лицо, потуже завязал капюшон бушлата. Много раз Адамчо бывал здесь летом. Тогда ему тундра казалась изумительно красивой. В ясный день тут можно было встретить чуть ли не все краски, но больше всего ярко-желтых, синих, сиреневых, ослепительно белых... Тут он вспомнил о спичках.

«А что, если попробовать разжечь костер?».

Рука потянулась в карман телогрейки. Сгребая ногами снег, стал собирать ветки березы. Их было мало. Из кармана ватных брюк вытащил общую тетрадь. Здесь он до вчерашнего дня аккуратно записывал темы политических занятий.

Однако разжечь костер ему так и не удалось. Спички отсырели. Воин понимал, стоять на месте нельзя — и сам не заметишь как уснешь. Тогда...

Всю ночь Адамчо провел в движении. Усталость давала о себе знать, ноги онемели, на ходу закрывались глаза. Через шестнадцать часов пурга немного утихла. Впереди он заметил высокую сопку. Ее голая каменистая вершина еле выделялась в белизне.

Адамчо решил подняться на эту сопку. «Вдруг увижу знакомые места. Может, и машина совсем рядом», — подумал он, и, проваливаясь по пояс в снегу, шел дальше. Прислушиваясь, изредка останавливался. Но ничего не было слышно.

Иосиф был уверен, что командир давно уже принял

меры по его розыску. И действительно, как только стихла пурга, в пустынную тундру отправились несколько групп лыжников во главе с опытными офицерами-следопытами. Среди них были и близкие друзья Иосифа — младшие сержанты Павел Афанасенко, Георгий Великий, ефрейтор Иван Куруц и другие. Сколько желтых, красных и зеленых ракет они израсходовали! Все безрезультатно. Адамчо ничего не видел, хотя все время следил за небом.

С трудом вытаскивая из снега ноги, солдат шаг за шагом двигался дальше. Насквозь промокший, обессиленный, он добрался до вершины сопки только к вечеру. Но в темноте ничего не заметил.

Снова поиски. Кругом тихо, пустынно. Вторые сутки блуждал он по тундре, но не терял надежды выбраться на дорогу.

«Может, и Рыжков уже отвез продукты и идет ко мне в составе поисковой группы... Только бы не уснуть. Только бы выдержать до утра. Там, может, и погода прояснится», — подбадривал он себя. И продолжал медленно двигаться, не отходя далеко от сопки.

На третий день Адамчо вновь поднялся на вершину сопки. Теперь где-то за сопками заметил еле видимые электрические огни. Но ему не верилось. Он на время закрывал глаза и вновь внимательно смотрел в ту сторону. Сомнений не было — это были огни какого-то городка.

Пурга утихла, но поземка не прекращалась. Солдат посмотрел вокруг: впереди, на склоне сопки, растут кустарники, изредка возвышаются сосны.

«Огни, значит, горят с южной стороны. Мне туда, на юг...»

И Адамчо с благодарностью вспомнил командира отделения сержанта Николая Хренова и командира роты капитана Б. В. Куникеева, которые учили его ориентироваться по сторонам света по простейшим местным предметам.

— Видишь, у сосны с этой стороны ни одной веточки, а с той — целая коса. Где ветки, там и юг. Здесь уже ошибок не может быть, — рассуждал он и шел вперед...

Сердце все чаще и чаще подсказывало ему: «Быстрее, быстрее...» Но идти было невозможно. Ноги отказывались. Так и хотелось на минутку сесть, лечь прямо

на снег. Но разум говорит иное: «Иди вперед! Немного осталось...»

В этот миг он услышал гул работающего мотора. «Снегоочиститель», — решил Адамчо и напрямик направился в сторону шума. Обессиленный, голодный, он шел и полз по снегу, по склону сопки. Шум трактора становился все ближе и ближе. Может, поэтому и сил у солдата словно прибавилось. Недалеко от дороги Иосифа Адамчо встретил лыжник.

Увидев человека, Адамчо лишь успел спросить:

— Какой сегодня день? Где я нахо... — и потерял сознание.

В это время подъехала машина. Навстречу поисковой группе лыжник бережно нес мужественного воина к дороге.

...Более двух суток в безлюдной тундре без еды и сна провел Адамчо.

— Только крепкая физическая закалка помогла Иосифу перенести это суровое испытание, — говорит лечащий врач Борис Александрович Иванов.

С материнской любовью ухаживали за больным медицинская сестра Евдокия Терентьевна Журавлева и многие другие.

Солдат Адамчо от души благодарит за заботу о нем и за хорошее воспитание командира роты капитана Куникеева Б. В., командира отделения сержанта Павла Павловича Экваса, секретаря комсомольской организации рядового Вячеслава Александровича Архипенко. Это они, весь дружный боевой коллектив, помогли ему воспитать в себе мужество, физическую закалку и сильную волю.

СИЛЬНЕЕ УРАГАНА

Снега и снега... На сотни километров тянется тундра — ровная и глухая, немая и жестокая. Кругом пустынно. Только вьюга ворошит глыбы снежного вала. А там, севернее, во мраке полярной ночи, возвышаются серые, покрытые ледяной коркой скалистые сопки. С отвесного берега свисают толстые, длинные, прозрачные сосульки. На фоне бушующих волн они кажутся необычайно красивыми. Пенистые волны океана с огромной силой ударяются о крутой берег, а затем, раздробленные на мельчайшие изумруды-частички, нехотя отступают.

В этом изумительном царстве полярной ночи и начал свою службу бывший слесарь Канашского вагоноре-

монтажного завода Николай Чистяков, худощавый, среднего роста паренек.

Стояли морозные дни. Вьюга замела все дороги. На посты ходили пешком, местами проваливаясь по пояс в снегу. Часто объявлялось «штормовое предупреждение». Тогда сутками отсиживались в помещениях.

Нелегко было Николаю привыкнуть к службе в таких суровых климатических условиях. Медленно он осиливал трудности. Увлёкся электротехникой. Глубокие знания показал он и на итоговой проверке. Солдат рос на глазах, мужал, привыкал к суровой полярной зиме. Стал отличником, командиром отделения. Командование присвоило ему звание сержанта, а партийная организация приняла в свои ряды...

Когда Николай отслужил свой срок, командир части пригласил его к себе и предложил остаться на сверхсрочную службу.

Чистяков, подумав и посоветовавшись со своими старшими товарищами, ответил:

— Согласен...

— Пошлем вас на дальнюю точку, — сказал офицер и показал на карте выходящий в море узенький полуостров. — Условия службы там сложные.

...В один из учебных дней на этой точке вышел из строя агрегат питания. Совсем из-за мизерной по объёму детали радиостанция прекратила работу.

Командир отделения ефрейтор Вертоголов и электромеханик Виктор Родькин попытались отремонтировать агрегат. Изготовили нужную деталь, но как ни старались, не сумели добиться ее точности. Тогда ефрейтор через соседей-моряков доложил о случившемся в штаб. Там забеспокоились. Достали детали. Сержанту Чистякову предложили срочно отправиться в путь. Однако выехать в тот же день он не смог: уже несколько дней бушевал океан, не выходили в море корабли, бесконечно мигали маяки. Наготове стоял вертолет. Но и его нельзя было выпустить — дул ураганный ветер.

Ждали день, второй. Просвета не было. Только через несколько суток шторм немного ослабел. Командир отправил Чистякова на рейсовом судне, которое вышло в море со срочным грузом.

...Более суток сержант Чистяков в пути. Более суток с кораблем, как со щепкой, играют разбушевавшиеся волны. Ветер усиливался. Дальше плыть невозможно.

Судно зашло в бухту. Вместе с другими пассажирами Николай ждал в каюте погоды. Но ее не было. Угнетала мысль: «Подразделение без связи. Командир ждет доклада. А я сижу...».

Он вышел на палубу. Затем вернулся, взял свой плотно набитый вещевой мешок и направился в небольшой домик. Здесь было сильно накурено. Кто-то вполголоса сказал:

— Да, придется, видно, еще долго «загорать».

«Как быть?— задумался сержант.— Как же выполнить приказ?»

Он вспомнил рассказ политработника о том, что в годы войны связисты под разрывами бомб и снарядов шли на боевые задания и обеспечивали войска бесперебойной связью. Приказ командира выполнялся пунктуально, в срок.

«А что, если добраться туда по суше?» — мелькнула мысль.

Николай расспросил местного жителя, где проходит дорога к полуострову.

— Не дорога, а тропа,— ответил старик. Потом он помолчал немного, словно обдумывая что-то, и предупредил: — Жизнью зря не рискуй, сынок. Она еще тебе пригодится. Видишь, какая погода?

Сержант слушал старика, а сам думал, что боевая готовность подразделения зависит теперь только от него, Николая Чистякова. И уже в который раз он спрашивает этого седоволосого и немногословного помора, прошедшего большой путь жизни, о приметах и особенностях тропы. Когда узнал все, вышел в путь.

Чистяков шел, прижимаясь к берегу. Сильный ветер тут же заметал след смельчака. Но он шел все дальше и дальше. Вот уже третий час в пути. Незаметно на тундру опустились вечерние сумерки.

До этого, в разрывах между снежными вихрями, он мог ориентироваться по приметам местности, о которых рассказывал старожил. Теперь же все скрылось во мгле.

Снежный ветер больно хлестал лицо. Временами доносилась мелодия бушующего моря. Прислушиваясь к шуму волн, весь мокрый, выбиваясь из сил, Николай шел к морю. Он сошел по обледеневшему склону сопки и зашагал по равнине.

Через некоторое время метель немного утихла, и Чи-

стяков увидел перед собой небольшую деревянную вышку.

— Значит, здесь и есть узкое место залива,— вспомнил он рассказ старика.

Если обойти залив, то это займет еще несколько часов. «А если попытаться переправиться через него по плавающим льдинам?..»

Начался прилив. Вода заметно прибавлялась. Льдины отошли от берега, хотя ветер прижимал их в глубь залива. Отыскав подходящую льдину, Николай пошел дальше. Теперь сержант уже не шел, а полз по ней. Вещевой мешок режет плечи. Поясной ремень также стал помехой. Но сержант двигался вперед и вперед. Вдруг в темноте его правая рука оказалась в проеме. Посмотрел вокруг — дальше пути не было. Он решил дожидаться отлива.

Медленно тянулось время. Минута казалась часом. Застыли руки и ноги. Он отполз от края льдины и стал бегать на месте. Немного согрелся. Постепенно льдины сошлись, сдавливая друг друга и с треском разламываясь. Дальше по ним идти было невозможно. Хотел вернуться, но где-то далеко впереди заметил чуть мигающий огонек.

«Не робей, Николай...» Осмотревшись, сержант перепрыгнул на другую льдину. Она слегка покачнулась. Чистяков лег и пополз дальше.

Небо прояснилось, заиграли яркие звезды. У сержанта прибавилось сил. Хотя ураган по-прежнему не ослабевал, Николай переползал с льдины на льдину. Ветер обжигал лицо, выматывал силы. Вьюга уносила в море раздробленные льдины.

В этот момент прямо перед глазами сержант увидел берег. На его утомленном лице появились искорки радости. Он быстро снял вещевой мешок, шинель и бросил их через полынью на землю, потом прыгнул сам. Оглянулся — ледяная глыба плыла уже далеко от берега, у входа в бурлящее море.

...Огонек становился все ярче и ближе. Сержант теперь не шел, а бежал туда. В темноте показался небольшой домик с антенной. Он добежал до него и рывком открыл дверь.

Солдаты ахнули от удивления:

— В такую погоду? Как вы добрались?..

— Пешком.

— Откуда же?

— С порта.

Солдаты помогли сержанту снять вещевого мешок, одежду, дали сухое теплое белье, напоили чаем.

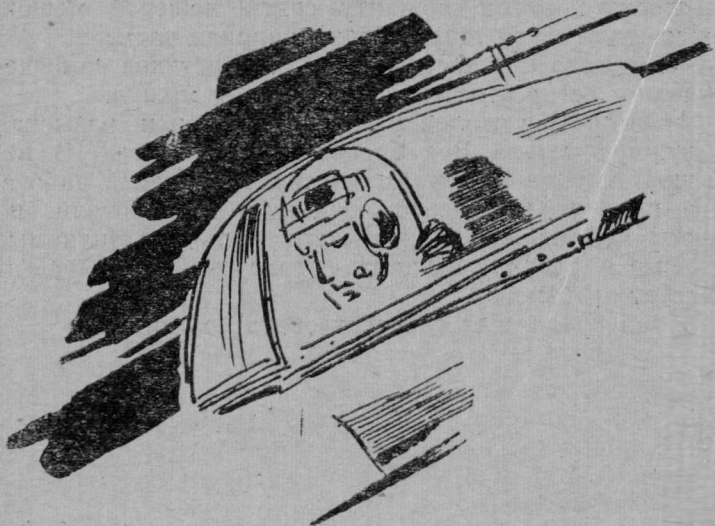
— Там запасные части,— показал Чистяков на вещевого мешок, когда отогрелся и немного отдохнул.

Ефрейтор Вертоголов развязал мешок и разыскал там нужную деталь. Все бросились к двигателю. В небольшой, занесенной снегом землянке, закипела работа. Никто не считал, сколько времени они работали, но радисты командного пункта части получили знакомые позывные и доклад сержанта-сверхсрочника: «Агрегат действует отлично!»

Ураган продолжал свирепствовать по тундре.

ХЛАДНОКРОВИЕ

Этот день ничем не отличался от других. В штабе части было много авиаторов в летных куртках. У всех приподнятое настроение: сегодня состоятся тренировочные полеты в сложных метеорологических условиях.

Погода действительно была плохая. Над горбатыми сопками тяжело плыли темные свинцовые облака. С аэродрома доносился рев турбин. Это авиационные специалисты готовили серебристых птиц к полетам.

Из рассказа партийного руководителя я понял, что он до тонкостей знает характеры и склонности коммунистов, их способности и слабые стороны.

— У нас все ценят творческую работу Ивана Петровича Варламова, — сказал секретарь партбюро. — Как первоклассный летчик, он щедро передает свой опыт молодым, растущим авиаторам. Кому теперь не известна фамилия его воспитанника, летчика второго класса Анатолия Петровича Сушко? Благодаря отличному владе-

нию техникой пилотирования, несгибаемой стойкости и мужеству в опасных условиях полета он вышел победителем...

Тихо открылась дверь. В комнату вошел невысокий, круглолицый, средних лет офицер. В левой руке он держал шлемофон.

— Вот и сам Иван Петрович,— сказал майор Жданов, протягивая вошедшему руку.

— Майор Варламов,— сказал он, здороваясь со мной.

— Член партийного бюро,— добавил секретарь.

Он подсел к партийному руководителю и начал выяснять, какие мероприятия запланировало бюро в связи с подготовкой к предстоящим полетам. Тот показал ему план работы бюро. Иван Петрович что-то записал в свой блокнот и направился к выходу.

Второй раз я встретился с товарищем Варламовым поздно вечером на полетах. Здесь он и рассказал мне эту необычную историю.

— Однажды я получил учебное задание — в паре совершить полет в сложных условиях с посадкой на другом аэродроме,— начал майор.— На первый взгляд, казалось бы, нет в нем ничего особенного. Разве я или мои товарищи мало летали в «сложняке»? Много. И тогда погода не баловала нас.

Еще раз проверил приборы, автоматику. К полету все готово. Получаю разрешение на вылет. Короткий пробег — и от земли отрывается мой ведомый, а за ним стремительно несусь и я.

Самолет быстро приближается к облакам.

— Я — десятый, авиагоризонт проверил. Разрешите пробивать облачность? — радирую на стартовый командный пункт.

— Я — «Вишня», пробивайте,— последовал ответ.

Машина скрылась в облаках. В наушниках слышались лишь позывные и кодовые сигналы, передаваемые с командного пункта полка.

А где же ведомый?.. Запрашиваю.

Высотомер показывает пять тысяч... Плавно движутся светящиеся стрелки приборов. Лечу все выше и выше. А где же ведомый?

— Седьмой, я — десятый, вы стали на курс?

— Десятый, я — седьмой, на курс стал...

На высоте девять с лишним километров пробил облачность. Но перед собой не вижу ведомого. С команд-

ного пункта данные о своем товарище получаю все чаще и чаще. Набрал заданную высоту и выдерживаю курс. Настраиваюсь на радиостанцию аэродрома посадки. Запрашиваю раз, два... Неужели, думаю, станция не работает? Проверяю: все нормально. Так, ничего не подозревая, продолжаю идти по заданному курсу...

И только тут понял, что временами у меня отказывали аэро- и гирокомпасы. Так, на высоте одиннадцать с лишним тысяч метров я оказался в опасности. Представьте, что значит летать без приборов в глухом воздушном пространстве. Еще и еще запрашиваю станцию аэродрома посадки. Но ответа не последовало.

Почему же меня не слышит земля? Вижу, что моя радиостанция работает нормально. В чем же дело?

Как мне хотелось в эти минуты услышать в эфире хоть одно слово с земли! Тогда бы я немедленно уяснил неисправность приборов. Но, как назло, ни одна радиостанция не давала знать о себе.

В таком критическом положении мне никогда раньше бывать не приходилось. Может, поэтому вначале я даже растерялся. Но вскоре успокоился. В голове мысли: «Держись крепче. Ты же мужчина, летчик первого класса. Ты сможешь спасти самолет и обязан это сделать. Тебя ждут друзья, товарищи, семья...».

Теперь по времени машина должна быть уже над пунктом посадки. Снова и снова направляю в эфир тревожные сигналы.

— Я — десятый, отвечайте, кто меня слышит?..

На бесконечные запросы никто не отвечал. Только навязчивый шум стоял в наушниках. Тогда подробнее сообщил наземным станциям о себе.

— Я — десятый, иду на пределе. Отказали приборы. Отвечайте, кто слышит меня?

— Я — «Береза», слышу вас хорошо...

В эти минуты я почувствовал себя самым счастливым человеком. Мгновенно появились смелость, уверенность, сила. Снова связываюсь с «Березой».

— «Береза», берите управление мною на себя и сажайте на ближайший аэродром.

— Откуда и куда вы идете?

Я называю пункты.

— Хватит ли у вас горючего?

— Нет!

— Я — «Береза», у нас облачность ниже минимума, десять баллов, видимость один километр, идет снег.

Я настоятельно отвечаю: «Сажайте, сяду».

Минутное молчание, а затем услышал команду на посадку.

— Разворот на сто восемьдесят градусов!

Выполняю.

— Проверьте...

Правильно!

И в этот момент я услышал в эфире голос своего руководителя полетов.

— «Вишня», я — десятый, имею связь с «Березой».

Они меня видят и сажают.

«Вишня» ответил кратко: «Вас понял».

Стал снижаться. Вновь оказался в сплошной облачности. «Береза» передает:

— Идите влево. Вы слышите меня? Я — «Береза». Идите влево.

Выполняю.

— Высота пять тысяч. Поверните вправо...

Выполняю.

— Высота две тысячи. Вас мы не видим.

Я продолжаю снижаться. И вдруг перед глазами промелькнула земля. Но для посадки самолета, причем скоростного, она не подходила. Время брало свое. Прибор показывал последние литры горючего. Только что хотел набрать высоту и выйти для посадки в более безопасное место, но было уже поздно: двигатель дал несколько последних резких выхлопов и остановился. Воцарилась тишина.

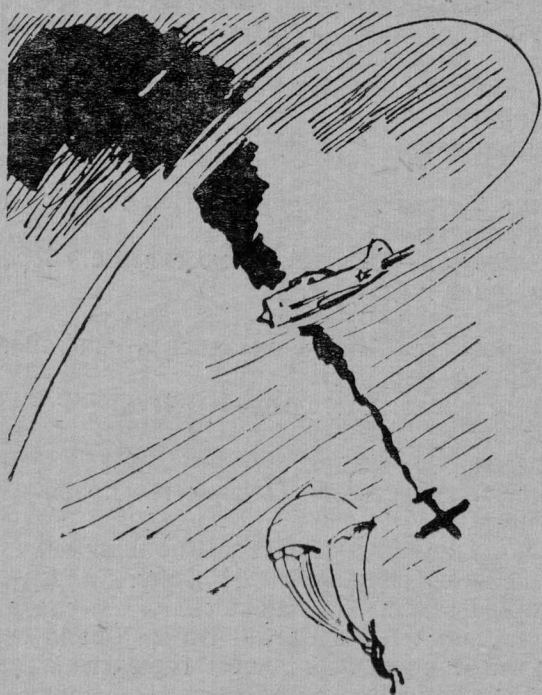
Немедленно поставил кран шасси и щитков навывпуск, выключил аккумуляторы. С разворотом и планированием стал производить посадку.

Вот самолет коснулся поля, пробежал некоторое расстояние и остановился. И все сошло благополучно, — закончил свой рассказ Варламов.

Два самолета-перехватчика стоят на стартовой площадке. На одном из них ждет сигнала на вылет пер-воклассный летчик Иван Петрович Варламов. Оба в готовности номер один.

ЗВЕЗДЫ НА ФЮЗЕЛЯЖЕ

Ни с чем не сравнить ощущение того памятного дня. Даже первый самостоятельный полет в Бийском аэроклубе не принес Ивану Михайловичу Березуцкому так много новых, волнующих переживаний. Началось с того, что руководитель полетов неожиданно разрешил ему, курсанту Чкаловского военного авиационного училища, провести свободный воздушный «бой» в сложных условиях. И с кем? С одним из лучших летчиков эскадрильи, который давно уже слыл отличным бойцом.

Сказать по правде, тревожно было на душе у Березуцкого, когда он слушал последние указания инструктора. Но и на этот раз не изменил своей привычке:

легко вскочив в кабину и проверив включение приборов, он вздохнул всей грудью, взглянул вниз и засмеялся весело и задорно.

Иван Михайлович быстро набрал высоту. Покрытая зеленым ковром земля осталась далеко внизу. Ведущий дал последнюю команду: «Разомкнись!» и стал с того мгновения «противником», которого нужно было уничтожить.

Атака длится совсем немного времени, но какого огромного физического и морального напряжения требует она от летчика! В воздушном бою побеждает тот, кто первым обнаружит врага, займет выгодное положение для нанесения удара и возьмет инициативу в свои руки. Словом, успех обеспечен летчику, который мастерски сочетает отличный маневр и меткий огонь.

«Противник» пошел в вираж. У Березуцкого мгновенно созревает решение: он резко делает правый разворот и сразу получает преимущество в высоте. Теперь надо зайти «противнику» в хвост. Иван Михайлович решительно идет на сближение, прицеливается. Достигнув нужной дистанции, он нажимает на гашетку. «Противник» начинает сложные эволюции, но Березуцкий упорно держится у него в хвосте.

— Огонь!..

— Хорошо! — голос инструктора возвращает его к действительности.

Учебный бой окончен. По технике пилотирования получена отличная оценка.

Это и было началом летной биографии отважного советского сокола Ивана Березуцкого. В годы войны своим мастерством, отвагой и смелостью он вписал немало славных страниц в боевую летопись гвардейского полка, который был сформирован в Чебоксарах в 1941 году.

В 1942 году, уже будучи военным летчиком-истребителем, он направляется на Сталинградский фронт, где принимает самое активное участие в воздушных боях. За короткое время произвел 65 боевых вылетов. Позже он воюет на Калининском, Северо-Западном и других фронтах.

Был Иван Михайлович и под Курском. Даже теперь он хорошо помнит те дни... Теплые июльские ночи. Медленно темнеет небо. Робко мерцают первые одинокие звезды. Вот еще одна, еще... Вскоре воздушный купол, усеянный мириадами огней, становится каким-то удивительным.

тельно прозрачным, невесомым. Давно уснул прифронтовой аэродром. Неподвижны самолеты. Застыли на постах часовые. Лишь на командном пункте неусыпный радист возится у аппаратуры.

— Затишье перед бурей,— усмехается гвардии лейтенант Березуцкий, выйдя из землянки. Ему вспоминается вчерашний разговор с командиром полка гвардии подполковником Ивановым.

— Молчат фрицы,— не то спрашивает, не то подтверждает командир полка.

— Молчат...

— Ну, а коль затаился пес, тогда что?— и подполковник взглядывает на Ивана Михайловича хитро прищуренными глазами.

— Коль затаился,— в тон ему отвечает Березуцкий,— значит, укусить собирается...

— Вот-вот,— будто обрадовался Иванов,— угадал ты, Иван Михайлович, угадал. Не иначе готовят что-нибудь. Гляди, брат, в оба.

И гвардии старший лейтенант Березуцкий глядел...

Ранним утром семерка «лавочкиных», ведомая командиром полка, вышла на разведку района боевых действий. Нужно было пройти вдоль линии фронта и ознакомиться с обороной противника, предполагаемыми целями, выбрать наиболее выгодные направления к тыловым базам гитлеровцев. Они летали, а фашисты молчали. Не было слышно ни выстрела.

«Не желают открывать своих позиций,— подумал Березуцкий.— Прав командир полка: не иначе — готовят что-то...

И верно. На следующий день немцы начали свою последнюю попытку осуществить мощное летнее наступление. Свыше четырехсот тридцати тысяч человек, более трех тысяч танков, около семи тысяч орудий, трех тысяч минометов и двух тысяч самолетов бросили они на наши оборонительные позиции. Воздух наполнился гулом снарядов, воем мин, ревом моторов, свистом бомб. За сплошными тучами дыма и морем огня не видно было горизонта. Казалось, земля не выдержит удара — расколется.

Березуцкого начало немецкого наступления застало на аэродроме. Выскочив из землянки, он столкнулся лицом к лицу с Героем Советского Союза гвардии капитаном Числовым.

— Что это, Саша?— спросил он с тревогой.

Прислушавшись к далекому нарастающему гулу, Числов ответил:

— Артиллерийская подготовка...

— Да?— Иван Михайлович посмотрел своему другу в глаза.— Начинается...

Через несколько минут над аэродромом, набирая высоту и скорость, пронеслась к линии фронта шестерка наших истребителей. Плотным строем прошли пикировщики.

«Соседний полк уже работает. Очередь — за нами»,— провожая их глазами, подумал Березуцкий.

...Последние данные были таковы: противник на участке Трефиловка — Белгород после сильной артиллерийской и авиационной обработки переднего края при поддержке крупных сил авиации начал наступление танковыми и механизированными частями. Полк Иванова получил приказ: вместе с другими частями авиационного корпуса прикрывать войска от немецких бомбардировщиков.

Через несколько минут истребители были в воздухе. Березуцкий вел четверку. На земле всюду — люди, танки, пушки, машины. В небе показались фашистские бомбардировщики и истребители. Наши летчики завязали бой с группой «мессеров». Гвардейцы со стороны солнца врезались в строй фашистов и с первой же атаки один вражеский самолет был подожжен. Сорвавшись в штопор, он упал. Противник был ошеломлен дерзостью советских истребителей. Боевой порядок «Ме-109» нарушился. Все смешалось.

И в этом головокружительном вихре перед Березуцким внезапно снизу вверх взметнулся самолет с тонким хищным фюзеляжем. Фашист! Березуцкий рванул на себя ручку управления. Гитлеровец пытался уйти от преследования. Но тщетно. Преимущество на стороне советского летчика. Вот уже удобная позиция для открытия огня. Березуцкий прицелился, осталось только нажать на гашетку.

В воздухе надо быть осмотрительным, всегда все видеть. Особенно в бою. Атакующий летчик на какие-то секунды во время ведения огня выходит на прямую, и в этот момент его может подловить враг. Березуцкий знал это и перед нанесением удара, на мгновение оторвав взгляд от прицела, увидел, что один из наших лет-

чиков попал в тяжелое положение — в хвост его самолета пристроился истребитель противника. Судьбу товарища решали секунды.

Не задумываясь, Березуцкий бросился на выручку. «Мессер» был впереди слева. Резкий маневр — и Иван Михайлович в хвосте фашистского самолета. Враг, расстрелянный в упор, запылал.

Бой был продолжительным. Потеряв еще две машины, гитлеровцы ушли.

После посадки Березуцкий приказал механику быстрее пополнить боекомплект самолета. На вопросительный взгляд механика коротко ответил:

— Дрались с «мессерами».

И замолчал. Зная характер командира, молчал и механик. Чуть позже спросил:

— Звезду рисовать?

— Нарисуйте две, — ответил старший лейтенант.

Бросив восхищенный взгляд на командира, механик побежал за краской...

Устали лица летчиков, возбуждены нервы, но огромная радость светится в глазах. То, что подытожил командир полка на разборе, — настоящая, большая победа: двенадцать сбитых за один день самолетов! И два из них уничтожил Березуцкий.

...Шли дни напряженных боев. Каждый день приходилось делать по несколько боевых вылетов. И сегодня по тревоге его вызвал к себе командир части:

— Иван Михайлович, задание: на высоте четырех тысяч линию фронта пересек «юнкерс»...

Через несколько минут два наших истребителя исчезли в глубине чистого неба.

Летчики внимательно просматривали пустынное небо. Неожиданно в шлемофон ворвался земной голос рации:

— «Ястреб», «Ястреб»! Я — «Чайка». Как слышите? Прием.

— «Чайка», «Чайка»! Я — «Ястреб». Вас слышу хорошо, — ответил Березуцкий.

— «Ястреб», «Ястреб», — торопливо передавали с командного пункта полка новый приказ. — Аэродром блокирует пара «мессеров». Атакуйте!

— Я — «Ястреб». Вас понял. Иду выполнять...

В ожидании поединка летчиков охватило волнение: ведь бой будет происходить над своим аэродромом! Ну,

мы покажем фрицам! Он представил сотни пар глаз, следящих за коротечной схваткой ревущих моторами истребителей.

Самолеты пикировали. Стрелка показателя скорости на черной доске приборов проскочила несколько цифр. Уши заложило, и, чтобы притупить боль, Березуцкий стал глотать слюну. Внизу, на фоне пятнистой земли, среди белых пушистых разрывов зенитных снарядов, двигались темные «мессершмитты», похожие на игрушечные фигурки. По тому, как они суетливо забегали, Березуцкий понял, что его и ведомого — гвардии старшего лейтенанта Шульгу — заметили.

— Атака! — скомандовал Березуцкий, сосредоточенно глядя вперед.

Зенитчики, увидев свои самолеты, прекратили огонь.

Совсем близко мелькнули кресты на черно-желтых, словно обрубленных крыльях «Ме-109». Вражеский самолет исчез, а в наушниках раздалось:

— Березуцкий, «мессер» в хвосте!

Летчик потянул на себя ручку управления. Самолет взметнулся ввысь. Тело, словно прессом, прижало к бронеспинке. Над кабиной ослепительно мигнуло одно облачко, другое. Летчик посмотрел назад: за хвостом распластал крылья мрачный «мессершмитт». Далеко внизу тянулся Шульга.

«Не успеет он мне помочь, — лихорадочно прикидывал Березуцкий. — И как он вывернулся?..»

Иван Михайлович увеличил угол подъема. От пышущего огнем мотора пахло гарью. На капотах появились струи закипающего масла. Летчик взглянул на термометр: стрелка на нем перешла красную критическую черту. Но вот крылья «мессера» лениво прочертили полукруг — мотор не мог больше поднимать самолет под таким крутым углом. Этого момента и ждал Березуцкий. Энергичным движением рулей он изменил направление своего послушного ястребка, и вот перед ним уже не чистое небо, а далекая панорама земли. Летчик прильнул к прицелу.

Затаив дыхание, Березуцкий нажал на гашетку. Загудела пушка, хлестнули пулеметы. По бортам, над кабиной взвился пороховой дымок. От «мессера» потянулась черная струйка дыма. Иван Михайлович еще раз хотел нажать на гашетку, но из самолета врага вывалился летчик. Его короткая широкая фигура закувыркалась в

воздухе, и лишь быстро раскрывшийся купол парашюта остановил беспорядочное падение.

Вражеский самолет, охваченный пламенем, стремительно несся к земле. Рухнул он за северной стороной аэродрома, на бурьянное поле, высоко пыхнув черным дымом.

Березуцкий взглянул вниз и увидел высыпавших на площадку крошечных людей. К парашютисту мчались две автомашины и мотоцикл.

Победно гудел мотор. Небо над аэродромом было чистое...

После этого боя Березуцкого представили к третьему боевому ордену — Красного Знамени.

Недавно мне удалось познакомиться с личным делом И. М. Березуцкого. Вот некоторые записи в наградных листах:

«27.1.1943 г. в районе оз. Порезье—Лоево И. М. Березуцкий сбил один «Ме-109». Подтверждено летчиками Героями Советского Союза гвардии майором Числовым, гвардии старшим лейтенантом Гражданиновым и гвардии старшим лейтенантом Запорожченко».

«23.VII.1943 г. в районе Домино сбил еще один «Ю-88». Подтверждено летчиками Героем Советского Союза гвардии старшим лейтенантом А. Маресьевым, гвардии капитаном Воронько, гвардии старшим лейтенантом Шульгой и гвардии лейтенантом Ивановым.»

В боях за освобождение Белоруссии Иван Михайлович значительно увеличивает счет сбитых вражеских самолетов. В первый день наступления наших войск на этом фронте он ведет группу самолетов «ЛА-5» и штурмует вражеский аэродром «Болбасово». С отличными результатами и без потерь его группа возвращается на свою базу.

Герой Советского Союза гвардии подполковник Горбатьюк, представляя Березуцкого к званию Героя, писал:

«За период службы в полку в должности заместителя командира авиационной эскадрильи, а после и командиром АЭ, он много работал над повышением летно-тактического мастерства подчиненных ему летчиков. Обладает хорошими организаторскими способностями. Только за время боев на Брянском, 2-ом и 1-ом Прибалтийских фронтах летчиками его эскадрильи произведено 398 боевых вылетов и в многочисленных воздушных боях уничтожено 39 вражеских самолетов, из них 14 бомбар-

дировщиков и 25 истребителей. Техническим составом за этот период восстановлено 130 поврежденных в боях самолетов...».

Так шел от боя к бою отважный советский летчик Иван Березуцкий. За время войны он совершил 254 боевых вылета и в восьмидесяти воздушных сражениях сбил шесть вражеских бомбардировщиков, один транспортный самолет и одиннадцать истребителей.

За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с фашистскими захватчиками, за личное мужество и отвагу он награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды и многими медалями, удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Для Ивана Михайловича авиация до сих пор осталась призванием. Он истребитель-перехватчик, летает на современном самолете-ракетоносце и готов в любую минуту подняться в воздух, чтобы выполнить приказ по защите социалистической Родины. Он и его товарищи бдительно следят за тем, чтобы черные тучи войны не заслонили горизонт.

СОДЕРЖАНИЕ

Бессмертие	3
На фронт	—
Курсант Рыбинского танкового	5
Вместе будем воевать	7
Фронтовые треугольники	9
Письма, присланные К. В. Прокшиной	12
Разведка с боем	14
«Умрем, но врагу не сдадимся!»	15
Паренек из Алдаркино	20
Иван Банбурин	28
Истоки мужества	34
В разведке	38
Анюта	43
Федя	48
Четыре героических дня	52
Гвардии рядовые	56
Перед штурмом	61
Герои не умирают	67
Когда рядом друзья	72
Пламенное сердце	77
Добрый человек	86
В пургу	89
Сильнее урагана	95
Хладнокровие	100
Звезды на фюзеляже	104

Антип Николаевич Николаев ПЛАМЕННЫЕ СЕРДЦА

Редактор *З. В. Романова.*
 Титул и рисунки *М. А. Ильина.*
 Обложка художника *В. И. Кудрина.*
 Художественный редактор *Э. М. Юрьев.*
 Технический редактор *А. Ф. Никитина.*
 Корректор *В. Н. Иванова.*

НТ 12307. Сдано в набор 14-XI-1967 г. Подписано к печати 10-VII-1968 г. Формат 84×108 1/32. Физических печ. л: 3,5. Условных печ. л. 5,88. Учетно-изд. л. 5,30. Изд. 65/67 г. Заказ № 4968. Тираж 8000 экз. Цена 15 коп.

Чувашкнигоиздат, Чебоксары. пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Управления по печати
 при Совете Министров Чувашской АССР
 Чебоксары, Володарского, 5.

Цена 15 коп.